

Арина Теплова

Лесной
князь

18+

Талисманы судьбы

Арина Теплова

Лесной князь

«Автор»

2017

Теплова А.

Лесной князь / А. Теплова — «Автор», 2017 — (Талисманы судьбы)

1759 год. Российская империя. На усадьбу Пашковых нападает разбойничья шайка взбунтовавшихся крестьян. Всю семью дворян Пашковых убивают. Единственная, кому удастся спастись, — Катюша Пашкова. Убегая от расправы разбойников в зимний темный лес ночью, восемнадцатилетняя девушка неожиданно встречает незнакомца, обитателя лесной чащи, у которого просит помощи. Однако наивная девушка даже не подозревает о том, что после этого попадет в «капкан», из которого не так просто вырваться на свободу.....От автора: Я пишу про X-XIXв. русской истории. В моих книгах описаны реалии тех веков с закостенелым патриархатом в отношениях, главенствующим положением мужчины и женщинах, которые были вынуждены подчиняться, таков был уклад жизни общества. В моих книгах нет абьюза как могло бы показаться. Напиши я про равенство женщин того времени, про девиц кричащих о своем «Я», про нежных единорогов – это будет ложь. Я пишу романы основанные на исторических фактах. Это реальная правда о том времени и нравах

© Теплова А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

от автора	5
ПРОЛОГ. Страшная сказка	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Буря	8
Глава I. Мятеж	9
Глава II. Избушка	17
Глава III. Четки	23
Глава IV. Дева	27
Глава V. Вредный	34
Глава VI. Беркут	39
Глава VII. Дерзкий	45
Глава VIII. Печальница	52
Глава IX. Прозрение	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Арина Теплова Лесной князь

от автора

Муки любви часто застают врасплох, неожиданно и нежданно. Достаточно одного взгляда, одного движения, одной встречи, чтобы навсегда пропасть в омуте любимых глаз...

Ты рождена воспламенять

Воображение поэтов,

Его тревожить и пленять

Любовной живостью приветов,

Восточной странностью речей,

Блистаньем зеркальных очей

И этой ножкою нескромной...

Ты рождена для него томной,

Для упоения страстей!

А.С. Пушкин

ПРОЛОГ. Страшная сказка

Российская империя, Санкт-Петербургская губерния,
поместье Пашковых, 1749 год, Апрель

Вечерняя летняя прохлада опустилась на поместье. Шум вековых сосен и трели ночных птиц проникали в приоткрытое окно девичьей спальни. И лишь далекий лай дворовых собак то и дело нарушал тишину. Полумрак комнаты освещала одна-единственная свеча.

– Нянюшка, милая, расскажи сказку, – попросила маленькая Катюша, устремив пронзительный наивный взор на приятную полноватую старушку.

Евдокия Никитична поправила одеяльце у старшей девятилетней Лизоньки, которая уже лежала в своей постели, и, поцеловав русоволосую девочку в лобик и перекрестив ее, обернулась к Катюше.

– Все бы тебе, стрекоза, сказки слушать, – с любовью пожурела девочку няня, кряхтя, направилась к кровати второй девочки и уселась на ее постель.

Семилетняя Катюша, уже чуть приподнявшись на локтях, приветливо улыбнулась Евдокии Никитичне, сверкая в темноте яркими голубыми глазками.

– Ложись на подушку-то, – велела ласково няня девочке и провела рукой по ее темно-волосой головке, улыбнувшись в ответ. Катюша послушно опустилась и, вытянув тонкие ручки из-под одеяла, внимательно посмотрела на няню. – Ох, опять свои гляделки уставила, – пожурела ее старушка. – Говорила же тебе, не смотри так пристально да прямо. Девушка должна глаза долу держать.

– Отчего же, нянюшка? – удивленно спросила Катюша.

– Оттого что девичий стыд иметь надо. А твои-то глазки уж больно хороши да яркие, коханочка моя, – ласково заметила Евдокия Никитична, поправляя одеялко девочки и глядя ее по ручке. – Синь-то глазок своих небесных ты под ресничками прячь, а то леший увидит их да утащит тебя в чашу.

– Как это утащит? – испуганно пролепетала девочка.

– А разве лешие и вправду есть? – тут же подхватила замирающим голоском Лиза, чуть приподнявшись на кровати и смотря в сторону няни.

– А как же, – кивнула со знанием дела Евдокия Никитична. – Он в дремучем лесу живет. Да людей, которые заблудились, к себе в чашу на болота заманивает, а самых красивых девок сам крадет.

– А батюшка говорит, что леших на самом деле нет и это все сказки, – вспомнила Лиза.

– Это потому, что он не видел его. А народ-то правду рассказывает. Так что одни, яхонтовые мои, в лес не ходите.

– А как же землянику лесную собирать? – спросила Катюша.

– Берите с собой кого из дворовых или из девок сенных, а то матушка ваша очень печалиться будет, если леший утащит вас в свое логово. Он уж страсть как красивых девок любит заманивать в свои дебри.

– А зачем ему девки?

– Он их привораживает да в жены себе берет. Затем они лешайчат рожают. А девицы так и живут, горемычные, в лесу, ибо выйти из заколдованной чащи не могут, оттого что леший им тропы не показывает.

– А как узнать этого лешего, какой он? – поинтересовалась тихо Катюша, замирая от страха.

– Да люди рассказывают, что облик его разный бывает. Может привидеться он ростом с дерево, а может и карликом. Одежи-то у него лохматые из шкур да коры лесной. На человека

похож, только страшный да обросший весь. А глаза-то у лешего всегда зеленые, колдовские, такие, что могут заставить человека забыть обо всем и дом свой, и родню...

– Нянюшка, мне страшно. А вдруг нас тоже леший украдет? – пролепетала Лизонька, которая была хоть и старшей, но более боязливой, чем младшая сестра Катенька.

– Вот поэтому и говорю вам, коханочки мои, глаза-то опускайте да одни не гуляйте по лесу, – объяснила няня с любовью.

– Но как же, нянюшка, а разве никто не может помочь этим несчастным девицам? – вдруг спросила Катюша, которая была довольно бойкой девчушкой. – Разве жених девицы не может убить этого лешего и вызволить ее из леса?

– Если жених отважится в заколдованную лесную чащу идти за невестой своей, то, конечно, может попытаться спасти девицу, если найдет ее. Но убить-то лешего невозможно, – заволаживающим голосом произнесла няня. – Ведь он дух лесной... и обличья принимать всякие может... да и невидимым стать... одолеть его никак нельзя...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Буря

Купола горят, в волосах венец,

За спиной стоят братья и отец,

Верю я, Бог простит грех мой последний

Украду тебя я на глазах у всех...

Слова Е.Ваенги

Глава I. Мятеж

Санкт-Петербургская губерния, Капорский уезд,
усадьба Александровка, 1759 год, Ноябрь

Вечерний полумрак окутал имение Пашковых. Темная библиотека на втором этаже деревянного усадебного дома озарилась светом ярких факелов, горящих на улице. Дикие крики во дворе и стрельба заставили Катюшу быстро отложить книгу и подойти к окну. Сквозь иней через холодное стекло девушка едва разглядела множество незнакомых людей на заснеженной улице. Несколько дюжин бородатых мужиков в темно-серых зипунах, с ружьями и красными разгоряченными лицами, заполняли почти все пространство около дома, стреляя из ружей, и жестоко дрались с дворовыми слугами, которые выбежали на двор. Несколько нападавших были верхом.

Конец царствования Елизаветы Петровны ознаменовался беспокойным временем. Неимоверный гнет и несправедливость народа, которые ужесточились в правление дочери Петра, привели к многочисленным бунтам и недовольству крестьян. В те годы во многих российских губерниях спонтанно возникали и множились разбойничьи шайки, которые пополнялись беглыми крепостными крестьянами и солдатами-дезертирами. Атаманы бандитских отрядов требовали денег у помещиков, угрожая расправой.

Разбойники, вышедшие из народа, жгли усадьбы, мучили и убивали людей, бесчинствовали на реках, нападали на проезжих, оскверняли даже церкви. Крестьянские волнения вспыхивали повсюду, иногда под самым носом императрицы. Едва двор Елизаветы Петровны переехал в Москву, поступали сведения об усилении разбоев и грабежей в Санкт-Петербурге. А когда государыня возвращалась обратно в столицу, тут же шли доклады о массовых бесчинствах и убийствах в Московской губернии. Правительство было вынуждено постоянно отправлять военные отряды на вырубку леса по обе стороны дороги от Петербурга до Москвы для обеспечения безопасности и умирения недовольных крестьян. Однако все эти меры не имели должного эффекта, и разбойники, не боясь гнева государыни, вершили свой суд над неугодными им помещиками.

Катюша не раз слышала леденящие кровь рассказы о бесчинствах разбойников в соседних имениях и пораженно осознала, что теперь эти дикие люди напали на усадьбу ее родителей. Она вспомнила недавний случайно услышанный разговор отца с матерью. Василий Федорович Пашков был очень обеспокоен бесчинствами разбойничьей шайки, которая появилась в округе и уже совершила два зверских нападения на юге уезда. Отец Катюши уже договорился с соседними помещиками собрать небольшой отряд вооруженных людей для охраны владений. Но, видимо, не успел. И сейчас эти охальники ворвались именно к ним в имение.

Ошарашенным диким взором Катюша смотрела на улицу. Испуганные и безоружные дворовые мужики все же пытались остановить разъяренную шайку разбойников, которая, безжалостно расправляясь со слугами, стремилась прорваться ко входу в барский особняк, намеревалась разграбить господский дом. Бледным лицом девушка прильнула к проталине на окне и, замерев от ужаса, следила за происходящим. Она отчетливо увидела двух разбойников, которые быстро разделавшись с дворником, добивали раненого кучера Илью. А несколько страшных взлохмаченных мужиков, вооружившись бревном, ломали входную дверь. Катюша испуганно отвернулась от окна и прижалась к длинной портъере, не в силах пошевелиться от охватившего ее страха.

Катюша была младшей дочерью отставного поручика Василия Федоровича Пашкова, дворянина Петербургской губернии. Бабушка Катюши по материнской линии была турчанкой, которую взял в плен Гаврила Кудашев, дед Катюши, при осаде турецкой крепости во время

русско-турецкой войны при правлении Петра Великого. Впоследствии пленная турчанка приняла православие и вышла замуж за Гаврилу Даниловича. А затем родила ему трех дочерей, в числе которых была и матушка Катюши, Анна Гавриловна. В 1739 году Анна обвенчалась с Василием Федоровичем Пашковым и переехала жить в Москву. Спустя год у четы родилась дочь, которую назвали в честь императрицы Елизаветой. Эта была хорошенькая девочка с русыми волосами и голубыми глазами. А в 1741 году Анна Гавриловна подарила мужу еще одну девочку, которую назвали Екатериной, в честь покойной бабушки. Выйдя в отставку в 1745 году, Василий Федорович Пашков поселился со всем семейством в родовом имении в сорока верстах от Санкт-Петербурга, недалеко от городка Тосно.

От своей бабушки-турчанки Катюша унаследовала яркую необычную внешность. Красота младшей дочери Пашковых еще с детства пленяла всех вокруг. У девушки были темные густые волосы, большие миндалевидные глаза с черными бархатными ресницами, яркие губы, мягкая поступь, гибкий стройный стан и несколько кошачьи движения восточных женщин. Глаза небесно-голубого цвета, бледное лицо, изящные руки, тонкие черты лица, таинственное очарование домашней теремной девушки были переданы ей с русской кровью предков.

Василий Федорович души не чаял в младшей дочке, постоянно ласкал и баловал ее. Анна Гавриловна сама занималась воспитанием девочек и почти все свое время проводила с Лизой и Катей. За покладистый, приветливый нрав хозяйских дочек любили все дворовые. Через семь лет у Пашковых родился долгожданный мальчик. Саша, именно так называли сына Пашковы, был веселым, резвым мальчуганом и ни на секунду не оставлял в покое старших сестер. Жизнь в поместье Пашковых проходила спокойно и умиротворенно. И счастливая семья не могла даже на миг представить, что вскоре это радостное время закончится.

Вновь бросив испуганный взор вниз на улицу, Катя увидела, что разбойники наконец одолели дубовую входную дверь и ворвались внутрь дома. Она знала, что отец с матерью в гостиной, как обычно по вечерам, пьют чай. Лиза, наверное, у себя в комнате, как и маленький Саша. Девушка быстро подбежала к едва прикрытой двери и заперла ее на ключ. Прислонившись к закрытой двери библиотеки, она начала прислушиваться к звукам снаружи. Тяжелые шаги, шум ломающейся мебели, дикий вой дворовых служанок и стоны доносились до ее ушей. Невидящим ошалевшим от ужаса взглядом девушка смотрела перед собой, чувствуя, что время неумолимо бежит и приближает ее к кровавой развязке. По рассказам дворовых Катюша прекрасно знала, что разбойники обычно убивали всю семью помещика и редко кого оставляли в живых. В следующий миг ее поразили громкие крики прямо за дверью. Похолодев до кончиков пальцев ног, она устремила испуганный взор на дверную ручку, которая сильно задергалась.

Взгляд Катюши заметался по темной комнате с единственной зажженной свечей на камине. Она лихорадочно думала, что делать. Единственное решение, которое пришло ей в голову в этот момент, заставило стремительно сорваться с места. Она бросилась к письменному столу и, схватив нож для бумаг, засунула его в карман легкого белого платья. Лезвие продырявило ткань, но осталось в платье девушки, зацепившись рукояткой за низ кармана. Катюша поклялась себе, что не даст убить себя так просто.

Едва она спрятала нож, как дверь в библиотеку с грохотом распахнулась и на пороге комнаты показалась фигура мужчины. Катюша, стоящая у стола, резко развернулась на звук. Прищурившись, она вперила напряженный взор на человека, вошедшего в мрачную библиотеку. Темные, распущенные по плечам волосы, загорелое лицо и черные глаза мужчины были очень хорошо знакомы девушке. Ошарашенно глядя на вошедшего, Катюша прошептала:

– Это вы, месье?

Катюша отчетливо узнала француза, который служил у них в доме пару месяцев назад гувернером. Ее батюшка нанял Франсуа Лавазье для обучения детей французскому языку и

танцам. Катя недоуменно моргнула несколько раз. Менее всего она ожидала увидеть его здесь теперь.

– Многоуважаемая Екатерина Васильевна, мое почтение, – сказал слишком галантно Лавазье по-французски и как-то по-шутовски поклонился девушке.

Франсуа, вооруженный пистолетом и палашиом, прошел в библиотеку, а за ним в комнату ворвались еще несколько бородатых мужиков в меховых шапках. Катя попятилась назад и уперлась ягодицами в письменный стол. Настороженно глядя на бывшего гувернера, она не могла понять, что месье Лавазье делает среди этого сброда убийц.

– Еще одна курочка! – прохрипел один из мужиков и двинулся к девушке.

– Стоять! – процедил угрожающе Франсуа по-русски. Разбойник, с опаской посмотрев на француза, остановился.

– Вы готовы поехать со мной? – спросил вдруг Лавазье снова по-французски, смотря немигающим горящим взглядом на девушку.

– Нет, конечно, – выпалила Катюша так же по-французски, не понимая, почему он спрашивает ее об этом.

– Неужели вы не понимаете, отчего эти люди ворвались в ваш дом? И кто стоит за всем этим? – продолжал Лавазье глухо. Катя молчала и лишь пристально смотрела в жуткие ненормальные глаза Франсуа. – Этих варваров привел я! Именно я! Из-за вас! Ваш отец выгнал меня! Вы думали, что я отступлюсь от вас? – Лавазье говорил по-французски, и Катя поняла отчего, чтобы простые мужики не поняли их разговора. – Я заключил соглашение с разбойником Кучковым, который живет грабежами на усадьбы. Я сказал ему, что ваш отец несказанно богат. Василий Федорович унизил меня, но теперь я отомстил ему! И сейчас он лежит с перерезанным горлом на лестнице! – Катя в ужасе ахнула и инстинктивно сунула руку в карман, где лежал нож. – Но нынче вы будете мосей! – закончил Франсуа свою жутковатую речь и сделал несколько шагов по направлению к девушке.

В голове Катюши вихрем пронеслись давние воспоминания. Зимой этого года, после восемнадцатилетнего дня рождения Катюши, едва появившись в доме Пашковых, Франсуа Лавазье начал очень деликатно намекать Катюше на свое расположение к ней. Он все время пытался остаться с нею наедине, выслеживал ее везде, сопровождал на прогулках. Когда же Лавазье начал открыто флиртовать с ней, девушка не на шутку испугалась страстных порывов француза. Катюша пожаловалась отцу. После довольно жесткого разговора с Василием Федоровичем двадцатисемилетний Лавазье немного поубавил свой пыл, но лишь на время. Спустя пару месяцев она узнала, что Франсуа просил отца отдать ее ему в жены, но Пашков ответил категорическим отказом, пригрозив французу-гувернеру увольнением. Лавазье опять затаился и вел себя с девушкой вполне достойно. Но иногда Катя замечала темный горящий взгляд француза, направленный в ее сторону. Инстинктивно Катюша опасалась Франсуа, чувствуя, что он не отступился от своих страстных желаний и мыслей относительно нее.

Вскоре ее отец стал открыто заявлять, что девушке необходимо подыскать достойного жениха, как Лизе, которая уже была обручена. После этого Лавазье начал устраивать Катю сцены ревности. Пару раз он тайком начинал выяснять с ней отношения прямо в саду, где она часто гуляла по утрам. А спустя какое-то время тайком проник в ее спальню и попытался поцеловать девушку. Тогда Катя подняла такой крик, что в ее комнату сбежалась вся дворня во главе с Василием Федоровичем. Ее матушка, Анна Гавриловна, начала истошно кричать, что в доме нет покоя и девочек нельзя оставить без присмотра. Отец, отвесив наглому французу несколько увесистых оплеух, гневно выгнал Лавазье из поместья, запретив приближаться к их усадьбе.

После того происшествия Катюша больше не видела Франсуа Лавазье. Но сейчас она поняла, что он продолжал свои гнусные попытки завладеть ею.

– Опомнитесь, что вы делаете? – попыталась образумить девушка Франсуа.

– Меня уже не остановить! – отчеканил зло Лавазье. – Вы и только вы виноваты в том, что я стал негодяем! Раньше я был другим, хотел жить честно, заработать деньги и вернуться обратно во Францию, купить дом, землю, жениться. Но вы сделали из меня чудовище. Вы были слишком жестоки со мной. Я любил вас, а вы... смеялись над моими чувствами! Но теперь вы меня не отвергнете! Теперь вы...

– Хватит уже болтать! – взревел вдруг один из мужиков, который не понимал ни одного слова из разговора француза и девушки. – Или девка идет с нами, или мы ее прикончим, как и ее сестру!

Франсуа бросил предостерегающий взгляд на мужиков.

– Подожди! – угрожающе заметил Лавазье на русском, обращаясь к мужику, и, вновь повернувшись к девушке, приблизился к ней и тихо по-французски произнес: – Ваш единственный шанс спастись, пойти со мной, – увещевательно предложил Лавазье по-французски. – Мы уедем во Францию, и вы будете счастливы со мной.

– Я никуда не поеду, – отрезала Катя по-русски.

– Молчите! – закричал Лавазье и, схватив ее за руку, закрыл девушку своим телом от остальных мужиков. – Вы не понимаете! Они убили всех! Ваших родителей, сестру, брата. Они звери! Только я могу спасти вас!

Похолодев от его слов, девушка ощутила, что горло пересохло. Осознание его страшных слов поразило ее, и она ощутила нестерпимую боль в сердце, отказываясь верить, что ее родных действительно убили. И этот страшный человек, который был повинен в смерти ее любимых людей, требовал, чтобы она уехала с ним? Но это было просто дико! Катя подняла на Лавазье жутковатый прекрасный взор и прошептала:

– Вы лжете...

– Выйдите на лестницу и убедитесь, ваши родные мертвы!

Он говорил так уверенно и дерзко, что Катя ощутила, что он говорит правду. Сжавшись от ужаса, девушка неистово дернулась от него в сторону и, отбежав от Лавазье, хрипло вымолвила:

– Вы этого и добивались, чтобы я зависела от вас! Вы мне противны! Вы убийца! Я лучше останусь здесь и умру с моей семьей, чем отдамся вам, мерзавец!

Она увидела, как бородатый коренастый мужик обнажил свой палаш и ждет момента, чтобы расправиться с ней. Франсуа вновь схватил ее за руку и оттащил девушку в угол, загородив ее своим телом. Склонившись над Катюшей, он нервно прохрипел:

– Подумайте, Кати! Зачем вы хотите умереть? Я небеден. Во Франции я очень нравился девушкам, отчего же вы не хотите стать моей?

Катя молчала и лишь смотрела на него разъяренным испепеляющим голубым взором. Как он не понимает, что она никогда не станет женой убийцы ее родителей?

– Нет, – тихо одними губами прошептала она, чувствуя, что голова безумно гудит.

– Я люблю вас. Вы самая прекрасная девушка на свете, – продолжал Лавазье страстно, стискивая сильнее ее руку. – Послушайте меня, я спасу вас. Неужели вы действительно хотите умереть здесь?

Катюша перевела яростный затравленный взор за спину Лавазье и увидела, что второй мужик тоже вытащил палаш. Нет, она не хотела умирать. Ведь она была еще так молода. Ей было всего восемнадцать. Она так хотела жить, дышать, выйти замуж, родить детишек и жить счастливо. Но теперь из-за этого обезумившего человека ее жизнь превратилась в кровавый жуткий кошмар, в котором не было места ее мечтам. Неожиданно в напряженном до предела сознании девушки всплыла одна фраза, которую когда-то давно произнес ее батюшка:

– Когда обстоятельства или люди сильнее тебя, котенок, смирись, подчинись. Выиграй время. А потом у тебя будет возможность, и ты сможешь все.

Катя напряженно размышляла над своим положением. Что проку, если она будет и дальше упрямиться и ее убьют? А если согласиться уехать с Франсуа, она останется жива и после сможет убежать от него? Уверенность в правильности выбора крепла в ней. Уже через миг Катюша приняла тяжелое решение и холодно коротко прошептала:

– Я поеду с вами.

С ненавистью она посмотрела в темное лицо Франсуа. Он измученно улыбнулся ей в ответ, почти не веря в то, что девушка согласилась. Властно обхватив Катюшу за талию, он приказал:

– Пойдемте, Кати...

Проведя Катюшу мимо вооруженных мужиков, Лавазье вывел ее в коридор. На лестнице они наткнулись на труп слуги. От жуткого вида окровавленного тела старика, которого девушка знала с самого детства, Катя похолодела и быстро зажмурила глаза, позволив Лавазье увлечь себя вниз по лестнице. Кругом хозяйничали разбойники, а те немногие из слуг, которые еще были живы, жались по углам или пытались перевязать раненых. Увлекаемая настойчивой хваткой Лавазье, который так и удерживал девушку за талию, словно боялся, что она исчезнет, Катюша почти спустилась вниз, когда заметила наверху мерзкую сцену. Один из разбойников-мужиков тащил в сторону спален брыкающуюся и кричащую девушку-горничную. Осознание того, что кровожадный убийца намерен учинить плотское насилие над своей жертвой, появилось в больном сознании Катюши, став очередным ударом, и она судорожно сглотнула.

Лавазье дотащил Катюшу до конца лестницы, и тут взор девушки уперся в окровавленные тела родителей, распростертых на полу. Оцепенев, она расширившимися от боли и ужаса глазами уставилась на безжизненных отца и мать, ощущая, что сейчас лишится чувств. Темно-бордовое платье матери было такого же цвета, как и кровь, которая заливала ее горло и грудь. Женщина лежала на спине, а ее стеклянные глаза были открыты. Василий Федорович находился рядом, и его мертвая рука удерживала ружье, которое было все в крови. Тошнота подступила к горлу Катюши, и она пошатнулась, едва не потеряв сознание. Но сильная рука Лавазье поддерживала ее за талию и не дала ей упасть.

– Не смотрите, – выпалил над ее ушком Лавазье по-русски.

Как будто в кошмарном сне Катюша перевела взор от мертвых родителей на лицо человека, который был повинен в их гибели и ощутила, что хочет вцепиться в него и немедленно выцарапать глаза. Однако девушка прекрасно понимала, что не может этого сделать, ибо в этот миг мерзкий француз был единственной ее защитой от диких людей, которые шныряли по ее родному дому. Лавазье по-собственнически держал ее за талию и велел идти дальше.

– Подождите, – глухо прошептала Катюша, заметив в окровавленной руке матери черные четки.

Она высвободилась из объятий Лавазье и стремительно наклонилась над Анной Гавриловной. Осторожно прикрыв пальцами глаза матери, девушка быстро вытащила черные гранатовые четки, состоящие из двадцати небольших камней, из руки покойницы и судорожно сжала их в ладони. Катюша помнила, что эти четки принадлежали еще ее бабке-турчанке. Изначально черный гранат был одним большим камнем и служил драгоценной подвеской. Но затем, когда бабушка приняла православие, она приказала расколоть камень на двадцать одинаковых частей и сделать из него четки. Анна Гавриловна очень любила этот гранатовый оберег своей матери и почти никогда не расставалась с ним. Поэтому неудивительно, что в последний миг жизни черные четки были с ней. Катюша благоговейно положила четки в карман платья, осознавая, что это, возможно, последняя вещь, которая будет служить ей напоминанием о родителях. Когда-то давно ее матушка рассказывала, что этот камень, гранат, из которого были созданы четки, обладает магическими свойствами. Он способен вызвать сильные страстные желания, которые порой оборачиваются против владельца. Но если человек преодолет все преграды и

несчастья на своем пути, то оберег непременно принесет ему удачу в любви и сделает своего владельца счастливым.

Словно в каком-то бреду, Катюша позволила Лавазье вывести себя на улицу. Нервное ненормальное состояние девушки удерживало ее лихорадочные дикие мысли в узде. Слезы застыли в ее больших глазах, а мертвенная бледность лица сочеталась с пунцовыми горящими щеками. Краем глаза она увидела, что по двору бегают вооруженные разбойники, что-то крича. В передней Катюша успела захватить лишь теплый пуховой платок, который накинула на плечи. Ноябрьский легкий морозец вмиг остудил ее горячее лицо, и Катя сразу же озябла. Лавазье, заметив это, снял свой камзол и укутал в него девушку. Неразбериха, царившая вокруг, дала им возможность беспрепятственно выйти со двора. Разбойники не обращали внимания на француза, зная, что он служит их главарю и на хорошем счету у него. Она шла, поддерживаемая твердой рукой Лавазье, мимо мертвых тел дворовых, узнавая в каждом из них знакомого. Тошнота вновь подступила к горлу, но Катя заставила себя глубоко дышать. Слезы уже душили ее, но из последних сил она старалась сдержаться и не заплакать.

Чуть поодаль, у березы, был привязан рыжий жеребец. Катя позволила французу посадить себя на коня по-мужски. Франсуа запрыгнул в седло позади нее и, обхватив девушку рукой за талию, натянул поводья. Катюша нащупала в правом кармане своего платья нож и судорожно вцепилась в его рукоятку.

– Я обещаю, что помогу вам забыть весь этот ужас, – прошептал ласково Лавазье, наклоняясь над ее ушком. Катя сжала челюсти, дабы сдержаться и тут же не всадить нож в этого мерзавца, осознавая, что еще не пришло время и надо отъехать немного подальше от основной шайки разбойников. Спустя некоторое время их рыжий конь выехал со двора и неспеша поскакал по дубовой аллее усадьбы. А ненавистный француз все шептал у ее виска: – Мы поедем ко мне. Мой домик в...

Лавазье не успел договорить. Так как почувствовал острую, нестерпимую боль в боку. Катюша, повернувшись к нему, резко вытащила окровавленный нож из его живота. Она видела, как глаза Лавазье пораженно округлились, и он уставился непонимающим взором на темноволосяную девушку с ледяными глазами. Его руки стали ослабевать, и через секунду он выпал из седла, теряя сознание. Катя, пытаясь удержать выпавшие из скрюченных рук Лавазье поводья, нечаянно уронила на землю окровавленный нож и камзол, который был на ее плечах.

С грохотом рухнув на землю, француз испустил громкий крик отчаяния. Катя чуть замешкалась, пытаясь усмирить испугавшуюся рыжую лошадь. Наконец ей удалось натянуть поводья, и девушка, умело ударив ногами в бока коня, направила лошадь вперед. Она поскакала в сторону усадебных ворот прочь от Лавазье, который, хрипя, лежал на мерзлой земле. Она почти достигла ограды, как раздался выстрел. Катя почувствовала, что конь под ней дрогнул. Затравленно обернувшись, она увидела, что Франсуа держит в руке пистолет, из которого только что выстрелил в животное. Раненая лошадь начала падать, и Катюша едва успела соскочить с нее, чтобы не быть придавленной животным.

Звук выстрела привлек внимание разбойников. Катя невольно обернулась. Видя, что мужики смотрят в их сторону, она бегом устремила прочь через усадебные ворота. Лишь на миг отметив, что охальники проворно направились к раненому французу, девушка, высоко приподняв светлую юбку, стремительно побежала в сторону леса, который виднелся вдалеке. Она слышала, как ей вслед стреляют, но понимала, что находится еще слишком далеко и пули разбойников не могут достать ее. Отметив, что часть разбойников устремила в ее сторону, она ринулась дальше, сознавая, что у нее нет другого выхода, кроме как бежать от этих диких людей. Уже преодолев большую часть расстояния до леса, Катюша обернулась назад и увидела зарево пожара, которое охватило весь усадебный дом, дом ее родителей, в котором она родилась когда-то. Но девушка, яростно кутаясь в теплый платок, бежала дальше и дальше в сторону лесной чащи, пытаясь скрыться от жестоких людей, которые устремились вслед за ней.

Уже стемнело. Крупные мягкие снежинки падали вниз, покрывая мерзлую черную землю белым покрывалом. Катя не осознавала, куда бежит. Единственные чувства, которые владели девушкой, – это страх смерти и желание спастись от безумных кровожадных людей, которые убили ее семью и теперь преследовали ее. Она приблизилась к лесу. Черная мрачная лесная чаща не пугала ее, и она устремилась в нее, как в спасительный мир, ощущая, что именно здесь сможет укрыться от расправы обезумевших разбойников. Снег усилился, и она, пробегая мимо вековых сосен, почти не видела ничего под ногами, натыкаясь на маленькие кустарники и деревья. Сумрак окутал лес, вокруг было темно и холодно. Девушка слышала крики людей, которые шли по ее следу. Но животный страх и желание выжить вели Катюшу все глубже во мрак.

Платок упал с ее плеч, но она не заметила этого. Холод сковал ноги, облаченные в домашние тряпичные туфельки, и верх обнаженных плеч, но она продолжала бежать между деревьями. Крики становились все слышнее. Катюша понимала, что ее нагоняют. От стремительного непривычного бега девушка уже задыхалась и из последних сил пыталась двигаться, пробираясь сквозь деревья. Иногда она спотыкалась и падала, но тут же вставала и снова заставляла себя быстрее перебирать ногами, зная, что иного спасения нет. Спустя некоторое время Катюша уже не чувствовала ног, которые посинели и заоченели от холода.

В какой-то момент, снова запнувшись и упав на ледяную, покрытую снегом землю, Катюша ощутила, что сил больше нет. Дыхание ее срывалось, а тело дрожало от холода, пронизывающего все ее члены. Девушка затравленно обернулась. Далекие факелы приближались. Она осознала, что спасения нет. Еще немного, и она окажется у них в руках. И все будет кончено. На миг она представила, как сейчас обессилено упадет, и толпа безумцев растерзает ее так же, как и ее семью.

Из последних сил Катюша вновь поднялась на заоченевшие, сбитые корягами окровавленные ноги и дернулась вперед, сделав несколько шагов. Но длинная юбка зацепилась за ветку дикой малины и потянула девушку назад. Жалобно вскрикнув, Катя дернула ее, и из глаз впервые за этот страшный вечер хлынули слезы.

– Все, это конец... – прошептала она сама себе замерзшими бескровными губами.

Судорожными трясущимися руками проворно отцепила юбку и снова побежала, спотыкаясь и оглядываясь на шум, который слышался позади. Она уже разбирала матерные слова жутких мужиков, которые шли за ней. Ноги ее погрязли в небольшом сугробе, и Катюша затуманенным ошарашенным взглядом посмотрела вперед. Снег лежал в чаще тонким покровом. Она пробиралась сквозь белую пелену, но ноги ее не слушались и вязли в сугробах. В боку дико кололо, а в горле было так сухо, что она задыхалась.

Снова повернувшись на факелы, что были позади, Катюша невольно наткнулась на дерево. Почти падая, девушка протяжно болезненно застонала от удара, но вдруг почувствовала, что какая-то сила приподняла ее за плечи. Повернувшись обратно к дереву, Катюша подняла глаза вверх и похолодела. Высокая темная фигура человека или лесного существа в лохматых одеждах, заросшего и страшного, привела ее в леденящий ужас.

В голове Катюши забилась дикая мысль о том, что она наяву видит лешего, того самого, о котором когда-то давно в детстве рассказывала ей няня. Тут же вспомнив страшные сказы о лесном духе, девушка замерла в жутком оцепенении, отчетливо видя светящиеся темно-зеленые глаза высокого лесного существа, которые поглощали ее своей силой и светом. Вдруг в сознание девушки ворвались звуки выстрелов ружей, и Катюша затравленно осознала, что преследователи совсем рядом. В каком-то диком кошмаре она вмиг поняла, что теперь этот страшный лесной дух или человек, который был выше ее на целую голову, – единственный, кто может спасти ее от расправы безумных людей. Не понимая, что делать, и лишь ощущая животное бешеное желание выжить, она устремила свой взгляд на заросшее темной бородой лицо человека-духа и из последних сил прошептала замерзшими губами:

– Помогите, прошу! Они хотят убить меня!

Судорожно цепляясь обмороженными пальцами за большую фигуру лесного существа, Катюша начала сползать вниз. В ее ушах жутко болезненно гудело, и она осознала, что пришел ее последний час. Глаза девушки закрылись, и силы оставили ее.

Сильные руки мужчины не дали девушке осесть на землю. Он легко подхватил незнакомку на руки. И с жалостью отметил, что она одета лишь в легкое светлое платье, без корсета и нижних юбок, которое совершенно не давало тепла. Юбка и окровавленные ноги ее были все в грязи, спутанные темные волосы свисали мокрыми застывшими прядями с ее головы.

Бросив быстрый взгляд на свет факелов, который был виден из-за деревьев, мужчина, прищурился и понял, что люди совсем близко. Мгновенно приняв решение, он водрузил бессознательное тело девушки на свое мощное плечо и, резко развернувшись, проворно побежал прочь, устремившись на легких снегоступах в самую глубь безмолвного мрачного леса. Спустя четверть часа людской шум стал почти не слышен, и он немного сбавил ход. Удерживая одной рукой девушку от падения со своего плеча, мужчина с силой отталкивался палкой от твердой земли, покрытой снегом. Еще через какое-то время он свернул к небольшому замерзшему ручью. Мужчина ловко перебирал ногами, обутыми в валенки, к которым были привязаны снегоступы.

Снег все падал и падал, а темный безмолвный лес словно замер и взирал на странную картину: как высокий широкоплечий лесной дух, облаченный в темные одежды, умело перемещался по дремучей чаще, неся на себе девушку в легком белом платье, безжизненно свисающую с его мощного плеча...

Глава II. Избушка

Страх... мрак... боль...

Не приходя в сознание, Катюша словно пребывала в жутком сне. Ей все казалось, что одичавшие кровожадные люди настигают ее и пытаются убить. Затем ей виделись окровавленные образы отца и матери. И она истошно кричала, судорожно изгибаясь всем болезненным мокрым от горячки телом на постели.

В эти моменты ее заботливо удерживали руки мужчины, не давая девушке упасть на пол.

Незнакомка, которую Иван подобрал на окраине леса, бредила уже вторые сутки. Он вспомнил, как после неудачной охоты на кабана уже направился к своей избушке, находящейся в лесной чаще, как неожиданно слышал крики людей. Удивившись тому, что в такое позднее время кто-то бродит по лесной глуши, он осторожно приблизился на шум, заметив яркие отсветы факелов.

Едва различив далекие огни, Иван остановился, пытаясь рассмотреть сквозь мрак людей. В какой-то момент впереди он увидел белый стройный силуэт. Сначала опешил, подумав, что ему мерещится нечто странное. Невысокая женская фигура в светлом длинном платье заставила его похолодеть, и он на мгновение подумал, что видит призрак. Но когда стройная женщина в белом стремительно приблизилась к нему, он понял, что она живая.

Затравленно озираясь и спотыкаясь, незнакомка по неосторожности налетела прямо на него, с силой стукнувшись о его грудь. Застонав, она подняла голову и замерла. Ее бездонные огромные глаза, полные ужаса и боли, взгляд, устремленный на его лицо, вызвали в существо Ивана неведомое доселе волнение. Он тут же осознал, что перед ним совсем юная девушка с грязным, но невероятно прелестным лицом. Растрепанная темноволосая изящная незнакомка, одетая лишь в легкое платье и судорожно дрожащая на ноябрьском морозе, вызвала в его душе невольную жалость. Уже через миг, не спуская с него дикого безумного взора, девушка сухими губами взмолилась о помощи. Отчего-то ему захотелось помочь этому беззащитному существу, которое упало в его объятия, понимая, что люди с факелами преследуют ее.

Два дня назад Иван принес полумертвую девушку в свою избу в глухой чаще леса.

Тогда, положив незнакомку на скамью, он критически оглядел ее. Девушка, скорее всего, была дворянкой, ибо ее легкое оборванное платье оказалось сшитым из дорогой материи. Но отчего она бежала одна, раздетая, в холодном ноябрьском лесу, он не понимал. Ноги ее кровоточили и были покрыты грязью и талым снегом. Он заметил, что легкие туфельки, обрывки которых виднелись на ее ступнях, совсем не защищали девушку от холода и непогоды. Видимо, она была смертельно напугана и бежала, не разбирая дороги, не обращая внимания на раны, которые наносил ей неприветливый нижний покров леса.

Девушка так и не приходила в сознание, и он принял решение вымыть ее раны и укутать ее в теплое. Проворно стащив с нее платье, легкую нижнюю юбку и длинную сорочку, Иван с удивлением обнаружил, что она невозможно хороша и невероятно юна. Стройное ее тело было миниатюрным и прекрасным. Высокие девичьи груди с ярко-красными сосками явно не знали еще детского рта и были не испорчены родами. Округлые стройные бедра, темный маленький треугольник волос, узкая талия и точеные стройные ноги незнакомки вызвали в нем невольное восхищение. Ощущая, что его дыхание стало прерывистым от вида ее пленительного обнаженного тела, Иван переключил свое внимание на ее ноги, которые нуждались в немедленном лечении. Согрев воду, он обмыл ее обмороженное тело и перебинтовал ноги чистыми тряпками. Положив обнаженную девушку к себе на постель, он накрыл ее сверху одеялом, сшитым из лоскутков ткани и отороченным медвежьим мехом.

Ночью второго дня девушка перестала бредить и заснула тяжелым сном.

Следующим вечером Иван как раз готовил похлебку, стоя у печи, когда слышал шорох. Он резко обернулся к кровати и быстро приблизился к девушке. Она была в сознании. Ее огромные голубые глаза, обрамленные густыми черными ресницами, непонимающе с боязнью смотрели прямо на него. Темные, переливающиеся волосы незнакомки рассыпались по подушке. Бледное юное лицо ее было до того прекрасным, что Иван замер над ней не в силах заставить себя оторвать от нее взор.

Катюша воззрилась на высокого незнакомца, который склонился над ней. Большая, мрачная фигура мужчины отчего-то вызвала в ее существе неприятное чувство тревоги. Русые длинные взъерошенные волосы, разбросанные по плечам, густая темная короткая борода и усы обрамляли его лицо. Глаза незнакомца невозможного темно-зеленого зловещего оттенка, не отрываясь, поглощали ее своим мрачным светом. На вид ему было лет сорок, девушка почувствовала неподдельный страх и в испуге сжала руками одеяло, которое покрывало ее. Кроваво-красные губы Катюши зашевелились, и она хрипло прошептала:

– Вы леший?

– Кто? – опешив, спросил мужчина глухим приятным баритоном, приподняв брови.

– Лесной дух, – выдохнула она тихо, всматриваясь в его яркие зеленые глаза, прекрасно помня слова няни о том, что лешие имели зеленые очи. – Вы так похожи на него...

– Вы что, тронулись умом? – удивился он и словно сам себе тихо буркнул: – Хотя это неудивительно...

– Там в лесу, вы были? – спросила она, пытаясь все вспомнить.

– Да, – ответил глухо мужчина.

В следующий миг он протянул руку и положил свою сухую широкую ладонь на ее лоб. От его прикосновения Катя напряглась и испуганно попросила:

– Не надо...

– У вас все еще жар, – заметил мужчина. – Хотя и не такой сильный уже. Как вы себя чувствуете? – озабоченно спросил он, смотря на бледную девушку.

– Голова очень болит и горло, – прошептала Катюша.

Только после этих слов Катя как будто пришла в себя и осознала, что перед ней живой человек, а не лесной дух, как ей померещилось, едва она пришла в сознание.

– Кто вы? – невольно вымолвила девушка.

– Я охотник. Живу здесь в лесу. Меня Иваном зовут, – ответил просто мужчина, убирая руку с ее лица.

– Вы живете один, здесь в лесу?

Чуть прищурившись, мужчина произнес:

– Да.

– Иван... – замялась Катюша. Ей было неудобно звать его по имени. – А полностью вас как величать?

– Иван Алексеевич.

– Иван Алексеевич, а деревня какая-нибудь есть поблизости? – напряженно спросила Катюша, ощущая, что ей становится не по себе от осознания того, что она находится в лесу, одна, с незнакомым мужиком.

– Нет. Ближайшая деревня отсюда очень далеко. Почти десяток верст будет через болото. А если по чаще идти, еще больше. – Он помолчал и добавил: – Вам нечего бояться. У меня вы в безопасности. – Его грудной низкий голос словно лился и завораживал. Катюша пару раз моргнула, и ей стало не по себе от его горящего неотрывного взгляда.

– Благодарю вас, – сказала девушка тихо. – Если бы не вы, они...

Она замялась, и ее красивое лицо исказилось гримасой боли.

– Вас хотели убить? – спросил Иван, напряженно всматриваясь в ее чудные яркие голубые глаза, обрамленные черными пушистыми ресницами. – Почему? Кто эти люди?

Катя молчала и, лишь поджав губы, смотрела на него.

– Я не могу об этом говорить, – напряжено выдохнула она и перевела взгляд в сторону, ибо мужчина уже совсем неприлично разглядывал ее лицо, и от этого ей становилось не по себе.

Большая просторная деревянная изба освещалась тусклой лучиной. Тепло, исходившее от затопленной печи, было душевным и ласкало бледные щеки Катюши. Занавеска, висевшая в другой стороне комнаты, отгораживала треть пространства деревянной избы. Дубовый стол у окна, сундук, шкаф и пара лавок составляли убогое убранство жилища. На противоположной стене она заметила ружья, пистолеты, а также холодное оружие.

Она невольно замерла, когда Иван вдруг присел на край постели, где она лежала.

– Как ваше имя?

И Катя вновь перевела взгляд на его мрачное лицо.

– Екатерина, – ответила она тихо и опустила глаза на одеяло.

Его темно-зеленые глаза ласково пробежались жадным взором по густым ресницам девушки и далее по ее тонкому носику, и он тихо заметил:

– Катюша, чудесное имя. – Он прокашлялся, чтобы привлечь ее внимание, и продолжил, только после того как она подняла на него свой голубой нежный взор. – А по батюшке? Вы дворянка? – Катя упорно молчала, вновь ощутив, как ее сердце пронзило болезненное воспоминание о родителях. – Не хотите говорить? – спросил Иван. – Ну что ж... ваше право, – добавил он, пожав плечами.

– Мне бы воды, – прошептала Катя хриплым голосом.

Отметив, что девушка вся зарделась от его близости, Иван быстро встал и направился к печи. Наполнив деревянный ковш, он вернулся к Катюше.

– Выпейте. Это отвар из кореньев. Он вернет вам силы.

Катя чуть приподняла голову, и Иван, склонившись, поднес к ее губам ковш. Осторожно сильной рукой придерживая ее голову за затылок, Иван помог ей напиться. Девушка отпила половину и, поблагодарив, вновь тяжело упала на подушку. У нее закружилась голова.

Иван отошел к печи. Катюша вновь осмотрелась. Она лежала на широкой кровати, покрытой мягкой темной шкурой. Одеяло, сшитое из множества лоскутков, на народный манер, покрывало ее тело. Странное ощущение, что она голая, вызвало у девушки испуг, и она, приподняв одеяло, осмотрела себя. Действительно, она была полностью обнажена. Мгновенно покраснев от стыда, она устремила ошарашенный нервный взор на высокую широкоплечую фигуру мужчины, который что-то наливал из большого котелка в деревянную миску. Через силу сглотнув и ощущая дикую боль в горле, Катюша спросила:

– Зачем вы раздели меня?

Иван обернулся к ней и объяснил:

– Вы были вся в грязи. Я вымыл вас.

Его фраза вызвала у Катюши очередной стыдливый спазм в сердце, и она нахмурилась. Иван вновь приблизился к девушке, удерживая в одной руку миску, из которой шел пар.

– А где мое платье? – настороженно заметила она, следя за тем, как он поставил миску рядом с кроватью на небольшую деревянную скамью и вновь отошел. Он вернулся с деревянной ложкой и по-свойски вновь уселся на постель рядом с ней.

– Оно сохнет. Но я не думаю, что вы сможете надеть его. Оно сильно порвано.

Девушка судорожно вцепилась руками в одеяло и, сглотнув, прошептала:

– Как же? Я ведь не могу... – она замялась, несчастно смотря ему в лицо.

– Наденете мою рубаху, – властно велел Иван и, взяв миску в руку, добавил: – Поешьте, это щи.

Протягивая ей суп, он устремил на нее настойчивый взор. Катюша медленно села на постели, удерживая руками одеяло на груди. Однако, когда она протянула руку к миске с супом,

тяжелое одеяло нечаянно соскочило с ее стройного тела, и ее грудь на пару секунд оказалась обнажена. Иван скользнул горящим взглядом по белоснежной девичьей плоти, но в следующий миг Катя резко прикрыла ее, зардевшись от стыда.

– Я подержу, – сказал Иван и протянул миску девушке.

Катюша, одной рукой удерживая одеяло, другой взяла ложку и с удовольствием отхлебнула густых щей. Уже через пару ложек она, желая разрядить напряженную гнетущую обстановку, которая невольно возникла от близости мужчины, тихо спросила:

– Что это за мясо? Очень вкусное.

Иван вдруг улыбнулся ей, и она отметила, что в его глазах появилась ласка.

– Косуля. Позавчера подстрелил, – ответил он. Они вновь замолчали, и Катюша осторожно продолжила есть. После недолгого молчания Иван вдруг предложил: – Вы сильно больны. Оттого можете остаться у меня, пока не почувствуете себя лучше. А потом я помогу вам выйти из леса и добраться до ближайшей деревни.

– Благодарю вас, – пролепетала Катюша и вдруг ощутила, что у нее пропал аппетит. Она отстранила его руку с миской и вновь легла на постель, измучено прикрыв глаза.

Осознание того, что отныне ей совсем некуда идти, захватило мысли девушки. Она не знала, хозяйничали ли еще в ее родной усадьбе разбойники или уже покинули дом. И поэтому не понимала, что ей делать дальше. Но инстинктивно чувствовала, что в Александровку еще пока опасно возвращаться. В ее голове забрезжила мысль о том, что надо ехать в Петербург, к тетушке Дарье, родной сестре покойной матушки. Дарья Гавриловна жила со своим семейством в столице и очень любила Катюшу. Но ее муж, Петр Иванович Нелидов, имел скверный желчный характер и недолго любил ее отца и матушку. Но выхода другого не было. Она должна была отправиться к тетушке и рассказать обо всех злоключениях, что постигли ее.

Катюша вновь ощутила, что у нее нестерпимо горит голова, а горло саднит от боли. Поняв, что Иван прав и, пока не поправится, ей тяжело будет добраться до Петербурга, она вновь отрыла глаза и заметила, что Иван все так же поглощающее и неотрывно смотрит прямо в ее лицо. От мужчины сильно пахло порохом, жженым деревом и еще каким-то еле уловимым мужским ароматом, и Катюша брезгливо поморщилась. Но, тут же испугавшись, что он заметит ее отвращение, попыталась приветливо улыбнуться ему и попросила:

– Если вы позволите, я поживу у вас некоторое время. А то чувствую, что очень слаба. Несколько дней или неделю.

– Вряд ли вы поправитесь за столь короткое время, – начал увещательно Иван, поставив полупустую миску на лавку. – Жар у вас не спадает третьи сутки. А нос не дышит. Видимо, вы сильно застудились. Ну, это нестрашно. Буду отпаивать вас травами. Думаю, через пару недель вы поправитесь. Но вам надо постоянно лежать. Иначе будет хуже.

– Мне неудобно так долго стеснять вас, Иван Алексеевич.

– Вы совершенно не стесняете меня, Катюша, – тихо заметил он, и его рука очень осторожно прикоснулась к ее темноволосой голове и ласково провела по распущенным волосам. Девушка замерла, и Иван, отметив это, быстро убрал ладонь с ее волос и проникновенно добавил: – Еды у меня хватит для нас двоих. Нынче зима, дел мало. Вот и позабочусь немного о вас, хоть какое-то разнообразие в моей мрачной жизни.

Слова мужчины отчего-то не понравились Катюше, она почувствовала в них какой-то скрытый подтекст. К тому же близость этого мужчины угнетала ее и вызывала страх. Его темно-зеленый суровый взор, который ни на миг не оставлял ее лица, отчего-то внушал ей чувство опасности, и у нее вдруг появилось неистовое желание немедленно убежать прочь. Видя алые щеки и нервный взгляд девушки, Иван вновь поднялся с постели и, захватив с собой миску, отошел к печи.

Катя, облегченно вздохнув, снова откинулась на подушку и устало прикрыла глаза. Голова раскалывалась от боли где-то внутри, горло сильно саднило, и у нее совсем не было

сил. Она лежала с закрытыми глазами довольно долго, как будто во сне. Ее мысли хаотично перескакивали, и она почти не понимала, что происходит вокруг. Иногда она открывала глаза, и перед взором плыли темные круги. Сколько времени она пролежала так, час, два или более, Катя не осознавала, постоянно проваливаясь в беспамятство. Однако в какой-то момент она почувствовала, что ее мочевой пузырь переполнен, и она неистово хочет облегчиться. Она открыла покрасневшие глаза и невольно вздрогнула. Ибо Иван отчего-то стоял в изголовье ее кровати и пристально смотрел на нее немигающим взглядом.

– Извините, я бы хотела... – измученно прошептала Катюша, замявшись и зардевшись от стыда.

– На двор? – помог Иван, внимательно глядя на нее. Катя кивнула. Он быстро отошел к деревянному сундуку и достал из него серую рубаху из грубого холста. Подойдя к девушке, он велел: – Наденьте вот это. Давайте я помогу, – предложил он и уже наклонился над ней, держа рубаху в руках.

– Нет, нет, – прохрипела Катюша испуганно.

– Но, – Иван нахмурился и поджал губы. Катюша, собрав силы, медленно села и, удерживая одеяло на груди, протянула руку.

– Я сама, – добавила она и выхватила из его рук рубашку.

– Отхожее место не на улице, а в доме, – объяснил он, не спуская с нее напряженного взгляда. – Вон за той маленькой дверью.

Он указал на небольшую дверь напротив кровати. Катя кивнула, показывая, что поняла. И хотела уже одеться, но Иван как будто не собирался отходить от кровати и стоял неподвижно. Девушка напряженно уставилась на него красноречивым взглядом и нахмурилась. Он все понял и, быстро отвернувшись, отошел в дальний угол комнаты.

Катя, увидев, что Иван стоит к ней спиной, торопливо накинула на себя рубаху. Вещь была довольно широкая, и девушка утонула в ней. Рубаха оказалась чистой и даже пахнущей какими-то травами. Она спустила ноги с кровати и попыталась встать. Но едва она поднялась, как ощутила, что ноги не слушаются. В следующий миг, не понимая, что происходит, Катюша рухнула на пол, невольно вскрикнув. Иван стремительно навис над девушкой, сидящей на расстеленной у кровати шкуре медведя.

– Что такое? – обеспокоенно спросил он.

– Ноги, с ними что-то не так, – вымолвила испуганно Катя и посмотрела на него снизу вверх, чуть не плача. – Я их совсем не ощущаю!

Иван сгреб девушку в охапку и посадил обратно на кровать. Присев рядом с ней на корточки, он начал сильными руками осторожно ощупывать ее ступни, перевязанные тряпками.

– Чувствуете? – уточнил он и внимательно посмотрел в ее бледное лицо.

– Нет, – она отрицательно замотала головой, испуганно глядя в его мрачное бородатое лицо, бывшее на уровне ее глаз.

Иван перевел руку выше по ноге девушки и прикоснулся к ее голени. Катюша тихо всхлипнула, несчастно смотря на него.

– А здесь? – продолжал он, нахмурившись. Его сильные пальцы, начали ощупывать ее колени.

– Нет! Совсем ничего не чувствую! – в истерике воскликнула Катюша и, скинув его руки со своих ног, начала сама быстро ощупывать их. Добравшись до бедер, она тихо пролепетала: – Только здесь, наверху, – устремив на него непонимающий испуганный взгляд, прохрипела сиплым болезненным голосом: – Отчего это?

– Наверно, обморожение, – объяснил Иван, внимательно глядя на девушку в широкой рубахе, которая едва закрывала ее ягодицы и верх стройных бедер.

– И как же я смогу... – замявшись, выдохнула Катя, и на ее глаза навернулись слезы.

Иван, увидев, что ее глаза увлажнились, как-то весь напрягся и поджал недовольно губы.

– Вы что же, плакать надумали, Катюша? – спросил обеспокоено он. – Не надо этого...

Но Катя уже закрыла лицо ладонями и заплакала, более не желая видеть этого борода-того опасного человека. Это был какой-то жуткий нескончаемый кошмар. Сначала ужасное кровавое нападение на усадьбу ее родителей, потом она едва спаслась от одержимых людей, а теперь сидела больная, немощная в глухом лесу в логове дикаря. Все это было так жутко, что Катя невольно сжалась от страха. Она чувствовала, что он смотрит на нее, и ощущала свою зависимость от этого мрачного мужика. Она с отчаянием думала, что не только простужена и больна, но еще и ходить не может, словно дитя беспомощное.

– Я отнесу вас в отхожее место, а потом еще раз ноги посмотрим, – услышала она тихий, спокойный, властный баритон Ивана.

В следующий миг он легко подхватил девушку на руки и отнес ее в маленькую комнатку. Там, посадив Катю на нечто подобное стулу с дыркой вместо сидения, он вышел, оставив ее одну. Катя облегчилась, все еще безмолвно плача. Он вернулся за ней через несколько минут, предварительно постучавшись и спросив разрешения войти. Вернув девушку в постель, Иван положил ее на спину.

– Позвольте, я осматрю ваши ноги? – попросил он вежливо и печально улыбнулся ей. Катя послушно кивнула и закрыла глаза.

Иван наклонился над ней и осторожно прикоснулся сначала к ее ступням, а затем к коленям. Размотав ткань, он с облегчением заметил, что раны на ее ногах затянулись, и были видны лишь несколько небольших порезов. Ноги ее, открытые его взору до самого верха бедер, были прелестны: стройные, точеные, белые, с тонкими изящными ступнями. Через несколько минут он почувствовал, что как кровь прилила к его вискам. Спина его вмиг вспотела, а руки задрожали. Плотское желание, которое возникло у него еще в первый день, когда он раздевал девушку и мыл, снова нахлынуло на него. Быстро закончив осмотр, Иван накрыл девушку одеялом. Катюша открыла глаза и нервно взглянула на него.

– Завтра схожу к знахарке, – уведомил он. – Она живет на окраине ближайшего села, поговорю с ней. Может, она сможет помочь.

Катя молча кивнула. Она отвернулась от него и уткнулась дрожащим от унижения и страха лицом в подушку, словно испуганный ребенок.

Иван, видя, что она больше не хочет с ним разговаривать, совсем не обиделся, понимая, что девушка еще до конца не отошла от бреда, оттого так неразговорчива и груба.

Глава III. Четки

Бледный луч морозного вечернего солнца проникал через бычий пузырь, натянутый на маленькое оконце, и освещал темную мрачную избу. Катюша тяжело открыла свинцовые опухшие веки и осмотрелась. Убогое убранство деревянной избы вызвало у девушки горькие мрачные мысли. Ее воспоминания не были кошмарным сном, они были суровой реальностью. Почти всю предыдущую ночь она тихо проплакала, уткнувшись лицом в темный мех, боясь разбудить спящего неподалеку на лавке мужчину. Только под утро она забылась в беспокойном сне.

Осторожно приподнявшись на локте, Катя огляделась. В избе никого не было. Лавка, стоящая в углу и покрытая шкурами, на которой спал вчера Иван, была пуста. Катя задумалась. В избе имелась всего одна кровать, и она была занята именно ею. Девушка поняла, что этот непонятный человек уступил свое ложе ей, лишив себя удобства. Это показалось ей странным. Зачем он так услужлив с ней? И вообще, где он теперь? Судя по сумеркам, уже наступил вечер.

Неожиданно она вспомнила, что вчера Иван говорил что-то про деревню, в которую собирался сегодня. Она неистово хотела пить и, повернувшись, заметила, что у изголовья кровати на лавке стоит деревянная кружка. Она невольно дотянулась до нее, там оказалась вода. Девушка с наслаждением выпила ее всю, в душе поблагодарив мужчину за предусмотрительность. Она ощутила, что ее мочевого пузырь полон. Катюша несчастно посмотрела на деревянные брусья, из которых была сложена противоположная стена, за которой находилось отхожее место, не зная, что ей делать. Ведь помочь ей было некому.

Уже через миг она тяжело села на постели, подтянув пониже рубашку Ивана, в которой спала. С усилием девушка вновь попыталась встать, но, как и накануне, упала на пол. Сидя на темной шкуре, она вновь заплакала. Вдруг ее взгляд остановился на небольшом корыте с высокими краями, стоящем около кровати. Она поняла, что Иван специально оставил его рядом, чтобы она смогла воспользоваться им как ночным горшком. Однако представив, как незнакомый человек будет выносить за ней испражнения, Катя стыдливо поморщилась.

Но мочевого пузырь более не желал терпеть и причинял почти болезненные ощущения. Катюша, приподнявшись, сползла со шкуры и, опираясь на дрожащие руки, поползла в сторону маленькой двери. Хоть пол и был деревянным, что редко встречалось в избах, он все же оказался студеным. Руками и бедрами Катя отчетливо ощущала холод, исходящий от грубых напольных бревен, но все же настойчиво медленно ползла в нужную сторону. С большими усилиями девушка достигла отхожего места и после вернулась обратно к кровати так же ползком. Замерзшая, дрожащая она только через несколько минут, собрав последние силы, вновь взобралась на низкую кровать. Стуча от холода зубами, Катюша спряталась под одеяло и легла. Голова раскалывалась от боли, и она сжала виски руками. Горло болело.

Не прошло и двух часов, как снаружи послышался шум. Дверь в избу отворилась, и морозный воздух ворвался внутрь. Иван, одетый в мохнатый тулуп и шапку, вошел внутрь. Катюша сразу же повернулась и испуганно посмотрела на него. В лохматой темной одежде высокий хозяин избы показался Кате еще более зловещим, чем накануне.

Бросив цепкий взгляд в сторону постели, Иван заметил, что девушка не спит и внимательно смотрит в его сторону. Он приветливо улыбнулся Катюше и, сбросив с плеч большой мешок, опустил его на пол.

– Как вы здесь без меня? – спросил он, снимая верхнюю одежду с широких плеч.

– Хорошо, – через силу ответила Катюша и тяжело приподнялась на локте. – Вас долго не было.

Быстро ополоснув руки в умывальнике, Иван подошел ближе к больной. Как и вчера, Катя сжалась при его приближении. Взгляд его горящих глаз остановился на ее бледном измученном лице. Темные спутанные волосы ее казались безжизненными.

– Я в деревню ходил. Дорогу через болото сильно занесло. Наверное, в следующий раз в обход придется идти, это в два раза дольше. Принес вам одежду. Вы давно проснулись? – Катя отрицательно покачала головой. – Как ваши ноги?

– Так же, – ответила девушка и опустила глаза.

Иван, бросив быстрый взгляд на маленькое пустое корыто, предложил:

– Отнести вас в отхожее место?

Катя отрицательно покачала головой и тихо пролепетала:

– Я сама уже сходила.

– Как же? – перебил ее Иван, и его осенило. – Неужели вы ползали по ледяному полу?! –

Катя подняла на него глаза и кивнула. Она видела, как его лицо напряглось, и он глухо выпалил: – Вы что же из-за своей глупой гордости решили окончательно застудиться?!

Он вмиг представил, как она ползла по полу с голыми ногами, ибо его рубашка хоть и была ей большая, но все же не закрывала полностью ноги.

– Я... – попыталась сказать что-то в свое оправдание Катюша.

– Почему вы не воспользовались корытом? Я же намеренно оставил его около кровати?

Катя покраснела и опустила глаза. Этот разговор на интимную тему до крайности смущал ее.

– Неужели вы не понимаете, что вам нельзя более застужаться! – продолжал он возмущенным хриплым голосом. Он проворно наклонился к девушке и приложил руку к ее лбу, отметив, что он все еще горячий. – У вас опять жар! Что ж, вас и на час оставить одну нельзя?

Катя чувствовала себя и так до крайности мерзко, а от его слов из ее глаз полились тихие большие слезы. Она видела, что Иван не на шутку разлился на нее, и девушка решила, что ее присутствие раздражает его.

– Простите, что так стесняю вас, – прошептала она, опустив голову.

Иван отчетливо отметил ее слезы, которые уже хлынули из больших глаз, и тут же остыл. Он напряженно смотрел на Катюшу и ощущал в себе нарастающее желание защитить от всех невзгод эту испуганную девушку, несчастную и необычайно красивую.

– Я принес вам лекарства да щетку для волос, – заметил он уже более спокойно, решив перевести разговор в другое русло. Он отошел и, взяв мешок, что принес с собой из деревни, положил его у кровати. Развязав веревку, Иван начал доставать из него вещи, раскладывая их на кровать перед ней и тихо комментируя: – Вот холщовая подстилка на кровать. Я подумал, что вам неприятно спать на медвежьей шкуре.

В следующий миг Иван извлек из сумки несколько белых длинных рубашек и два русских сарафана синего и красного цветов. А также вязанные носки, чулки, щетку для волос и несколько небольших баночек из бересты. Одежду он положил перед Катей, и девушка непонимающим взглядом посмотрела на нее. Банки и большой бутыль с молоком он поставил на небольшой дубовый стол, стоящий на широких бревнах около печи.

– Вот, знахарка дала мази целебные для горла и ваших ног, – объяснил он. – Насилу отыскал эту бабку. Раньше она на окраине села жила. А нынче боится одна оставаться, к дочери переехала в избу. В этой деревне неспокойно. Тамошнего помещика два месяца назад убили, да и хозяйничает на его землях разбойник один, Кучковым кличут. Эта деревня у него теперь вроде логова, где он своих людишек расселил, заставляет крестьян кормить их.

– А этот разбойник. Вы видели его? – с замиранием сердца спросила девушка.

Она ощущала, что от слов Ивана ей стало не по себе, а сердце наполнилось жуткими кровавыми воспоминаниями. Ведь она прекрасно помнила, что как раз с разбойниками Кучкова напал на их имение мерзавец Лавазье. Она с отчаянием осознала, что отныне не может появиться в этой деревне, что находилась ближе всего к избе Ивана, там ее могли узнать разбойники.

– Нет, не видел. Он как раз со своими людишками в каком-то разбое был. А вы что, знаете его? – спросил он вдруг, повернувшись к ней.

– Я? – опешила девушка.

– Я просто подумал, раз вы спрашиваете о нем, – буркнул Иван и как-то пронзительно посмотрел на нее.

Он заметил на ее лице испуганное выражение, а ее прелестные глаза были полны страха. Катя смутилась под его взглядом, и ей показалось, что Иван словно знает все жуткие подробности того, что с ней случилось несколько дней назад.

– Нет, я никогда не видела его, – пролепетала Катюша.

– Это и к лучшему. Поговаривают, что этот Кучков всю округу в страхе держит. Каждый месяц какую-нибудь усадьбу жжет. И куда наша императрица смотрит? – сказал он уже недовольно.

Катюша почти не слушала его, а затихнув, вновь прилегла на постель и стеклянным несчастным взглядом смотрела перед собой. Вновь на нее нахлынули страшные воспоминания о той кровавой жуткой ночи, когда погибли ее родные. Через мгновение из ее глаз полились молчаливые слезы.

– Вы опять плачете, Катюша? – тихий баритон Ивана вывел ее из печального оцепенения. Иван стоял рядом с кроватью, чуть наклонившись к ней. Она невольно подняла на него глаза. – Вы так и не сказали мне, как вас по батюшке зовут?

– Васильевна, – тихо ответила она печально. Он вдруг улыбнулся ей и подбадривающе заявил:

– А не хотите ли вы парного молока, Катерина Васильевна? Я из деревни принес.

Уже через полчаса Катюша в белой длинной вышитой русской рубашке, которая доставала ей до голеней, сидела на кровати и с удовольствием поглощала еще теплый ржаной хлеб с молоком, который Иван принес из деревни.

– Я тоже умею печь хлеб, – заметила вдруг девушка. Вкусная еда вернула ей силы, и она повеселела. Иван, который в этот момент поправлял дрова в печи, обернулся и усмехнулся.

– Неужели? – удивился он, сомневаясь, что ее тоненькие нежные ручки хоть когда-нибудь месили тесто.

– Да, умею, – обиженно возразила девушка. – Матушка учила меня хозяйству. Я умею готовить, а еще шить и вышиваю хорошо.

Он внимательно посмотрел на нее и спросил:

– А как же зовут вашу матушку?

Катя напряглась и вновь вспомнила страшную ночь, когда чудом осталась жива. Поняв, что Иван явно хотел выведать о ее прошлом, она нахмурилась и замолчала. Опустив голову, девушка тяжело вздохнула. Иван понял, что она не намерена отвечать, и вновь повернулся к печи.

– Теперь я навсегда останусь немощной? – вымолвила несчастно Катюша через несколько минут молчания.

Иван замер над огнем и напрягся. Повернувшись к ней, он быстро преодолел расстояние до девушки и остановился у ее кровати. С нежностью напряженно глядя в яркие голубые озера наивных глаз, он тихо ответил:

– Не думаю. Вы просто должны успокоиться, Катюша. Вы же все время плачете и переживаете. Это вредно. Потому-то и ноги вас и не слушаются. – Иван как будто о чем-то вспомнил и немедленно подошел к небольшому сундучку. Достав из него нечто, он возвратился к Кате и протянул к ней руку. – Возможно, это вас порадует, – добавил он тихо.

Катюша пораженно уставилась на гранатовые четки матери, которые лежали на его широкой ладони. Девушка вмиг напряглась и дрожащей рукой взяла четки с его протянутой ладони. С благоговением поднеся черные камни к лицу, она приникла к ним сухими горячими губами

и прикрыла глаза. Иван молча наблюдал за ее действиями, и лишь спустя несколько минут Катюша опустила камни от своего лица вниз, сжав их в ладонях. Обратив на мужчину благодарный прелестный взор, она тихо сказала:

– Благодарю вас, Иван Алексеевич. Вы даже не представляете, что они значат для меня...

– Я рад, что смог порадовать вас, – так же тихо произнес он, не спуская с ее лица поглощающего взора.

– Где вы их нашли?

– Они были у вас в руке, когда я подобрал вас в лесу, – ответил Иван.

Он вспомнил, что даже в бессознательном состоянии Катюша судорожно сжимала эти черные камни. Еще тогда Иван подумал, что эти переливающиеся четки, наверное, очень дороги девушке, раз она не потеряла их.

– Они принадлежали еще моей бабушке, а потом матушке, – объяснила Катя, ласково погладив твердые камни. – Это черные гранаты.

– Черный гранат довольно редкий камень, – заметил Иван. И Катюша удивленно подняла на него глаза, не понимая, откуда он знает это. Ведь она думала, что простой мужик, который живет в дремучем лесу, даже названия камня гранат знать не должен.

Заметив, что Катюша как-то странно смотрит на него, Иван смутился, поняв, что сказал лишнее. Он засуетился и, отойдя от ее постели, буркнул:

– Я сварю вам взвар с малиной. Он снимет жар.

Он начал возиться с печью, а Катя напряженно смотрела на его широкую спину в серой простой русской рубахе и размышляла о том, зачем этот человек заботится о ней, создавая себе неудобства?

Глава IV. Дева

Вкусный запах только что испеченного хлеба заполнил все небольшое пространство избышки. Катюша, повернувшись на бок и печально посмотрела, как Иван достает из печи каравай с помощью длинной лопаты. Как она устала беспрестанно лежать в постели. Ей безумно хотелось встать и сделать хоть что-нибудь.

Все эти бесконечно долгие две недели, что она болела, Иван заботился о ней. Кормил, отпаивал травами, которые дала ему знахарка из деревни, носил на руках в отхожее место, когда это было нужно. Еще неделю назад Катя почувствовала себя значительно лучше и попыталась встать с постели. В этот момент Иван вернулся с улицы с охапкой дров, которые только что расколол. Увидев, что Катя пытается сесть, он закатил такой скандал, которого девушка совершенно не ожидала от этого молчаливого мрачного человека.

– Немедленно ложитесь! – возмутился он. – Неужели вы не понимаете, что больны и вам необходимо лежать в кровати!

– Но я уже чувствую себя лучше и хочу вам помочь, – попыталась оправдаться Катюша тогда, но ее речь была грубо оборвана.

– Вы хотите, чтобы у вас вновь появился жар? – прохрипел Иван и почти насильно уложил ее в постель.

Испугавшись недовольного, гневного выражения его лица, Катя послушно легла и с тех пор не осмеливалась противоречить этому суровому властному мужчине. Только по ночам, думая, что Иван спит, Катя тихо плакала в подушку, ощущая, что никогда не сможет выбраться из этой заброшенной избышки и избавиться от общества отшельника.

Самыми неприятными моментами для девушки были растирания ног. Еще в первый день, когда Иван вернулся из деревни, после ужина он растер ее ноги мазью, что дала знахарка. А затем каждый день она, испытывая невероятный стыд, терпела прикосновения рук Ивана. Еще никогда ни один мужчина не видел ее обнаженных ног и тем более не прикасался к ним. Строгое воспитание Катюши давало о себе знать, но девушка, едва не плача, все-таки послушно терпела, надеясь на то, что вскоре выздоровеет и сможет уйти из этого убогого места.

Катя отметила, как он переложил хлеб на деревянную доску и вернулся к печи, чтобы достать похлебку. Сняв с еды пробу, он удовлетворенно хмыкнул и обернулся. Увидев, что девушка смотрит на него, Иван предложил:

– Можно трапезничать. Только сперва выпьете отвар с медом.

Он что-то намешал в деревянной чашке и поднес к девушке. Катя проворно села сама, пытаясь избежать его руки, которая уже намеревалась помочь ей подняться. Иван нахмурил брови, но промолчал. Она выпила отвар и поблагодарила его.

После того как она поела, Иван по-свойски уселся на кровать рядом с ней и откинул одеяло.

– Теперь ваши ноги, – сказал он так мягко, что Катя испуганно воззрилась на него.

Русые густые волосы его были грязны и, как обычно, взлохмачены. Темная борода покрывала большую часть широкоскулого лица, оставляя совсем немного открытого места. Суровое лицо оттеняли его живые темно-зеленые глаза в обрамлении темных бровей и ресниц, делая его облик чуть мягче. Повадки его были резки и грубоваты. Однако иногда, в основном когда он перемещался по избе, девушка с удивлением отмечала некую выправку, которая делала его фигуру статной и величавой. Но такие моменты бывали так редки, что быстро исчезали из ее памяти.

Катюша, откинувшись на подушку, послушно терпела прикосновения его сильных рук к своим ногам. В те моменты, когда его ладони добирались до начала ее бедер, девушка отчетливо ощущала тепло и силу его пальцев. Смущенная, бордовая от стыда, она лежала с закры-

тыми глазами и напряженно пыталась считать долгие мгновения. Хотя эта процедура была неимоверно неприятна Кате, она боялась послушаться Ивана. Видела, что при малейшем ее неповиновении он раздражался. К тому же она неистово хотела поправиться и наконец покинуть этого странного человека, общество которого вызывало в ней чувства опасения и тревоги.

Иван в очередной раз прошелся рукой вниз по ее ногам и спросил:

– Где вы чувствуете?

– На коленях, – прошептала тихо девушка, не открывая глаз.

Он тяжело вздохнул и, взяв из баночки еще немного мази, продолжил свое действо. Хаотичные страстные мысли терзали его существо. Всеми силами он пытался не показать своего неистового волнения. Вид обнаженных прелестных ног девушки до того смущал его и раздражал нутро, наполняя его тело яростным желанием, что Иван старался напрячь руки как можно сильнее, дабы не показать Катюше, как они дрожат. Он попытался направить свои мысли в другом направлении и заставлял себя подумать о насущных делах. Вот уже две недели, как он не ходил на охоту. Но завтра было просто необходимо подстрелить какого-нибудь зверя и проверить капканы. Мяса уже не оставалось. А крупу в деревне меняли только на пушнину. Однако мрачные мысли о том, что опасно оставлять девушку одну, точили его существо. Но он понимал, что нельзя безвылазно находиться подле нее.

– Завтра на рассвете я уйду на охоту, – заметил Иван. Катя открыла глаза и посмотрела на него. – Я и так почти две недели просидел подле вас.

– Простите... – пролепетала она тут же.

– Я же не укоряю вас, Катюша, – ласково успокоил он, устремив темный взор в голубые чистые озера глаз. – Однако мне боязно оставлять вас одну. Все-таки я уйду с рассветом и на целый день. Вы сможете обойтись без меня?

– Конечно, я справлюсь, – кивнула она воодушевленно, обрадованная тем, что хоть на время избавится от постоянного контроля этого мрачного властного человека. Да, Иван не сидел непрерывно около ее постели. Ибо всю последнюю неделю утеплял баню, которая, как он сказал, прохудилась, и оттого Катя отчетливо слышала с улицы стук его топора или молотка. Но почти ежечасно он заходил в избу, проверить, все ли с ней в порядке. Его постоянная опека, а еще более беспрестанное лежание в постели за эти две с лишним недели уже так утомили девушку, что ее нервы были на пределе. А теперь ей представлялась возможность не просто посидеть, но и попытаться самой на коленях добраться до отхожего места. И она могла это сделать, пока его не будет дома, и он, естественно, не узнает об этом и не разозлится.

– Обещайте мне, что не будете ползать по студеному полу, – велел он.

Катя, словно пойманная на своих тайных мыслях, замерла и лишь спустя минуту согласно кивнула. Иван зафиксировал ее знак, но отчего-то тяжело вздохнул. Навязчивые мысли о том, что в его отсутствие с девушкой может произойти что-нибудь плохое, не оставляли его.

Наконец растирание было закончено. Проворно поднявшись с постели, Иван захватил с собой банку с мазью и отошел от Катюши. Вымыв руки, он накинул на плечи меховой тулуп и вышел на улицу.

Иван стоял около поленницы и, подняв лицо вверх, напряженно смотрел на звезды, мерцающие в темном небе. Он пытался успокоиться и немного остудить свои страстные помыслы, которые снедали его существо. Он понимал, что Катюша больна, слишком наивна и дико напугана. И малейший намек с его стороны на нежное расположение к ней, а уж тем более на интимные желания вызовет у девушки очередной нервный приступ. Но в последнее время Ивану стало трудно контролировать свои порывы. Очень часто, едва он приближался к Катюше, все его существо начинало неистово трепетать, а в голову упорно лезли сладострастные образы и мечтания, в которых была эта прелестница с темными волосами и глазами небесной синевы. Постоянное присутствие девушки в его жилище делало жизнь Ивана сладкой и горькой одно-

временно. Прелести Катюши распалили его воображение, а осознание того, что он не имеет права прикоснуться к ней, было мучительно для него.

Декабрь уже полностью вступил в свои права, перевалив за середину. Морозная зима окутала своим белым покрывалом округу. Свежий мягкий снег засыпал деревья и мерзлую землю густым слоем. Солнце едва проглядывало из-за свинцовых туч, а ветер глухо завывал в чаще леса.

Иван с охотничьим ружьем и котомкой за спиной легко передвигался по сугробам, скользя на широких снегоступах. День только занялся, но охотник был уже несколько часов на ногах. Обходя поставленные капканы и ловушки, Иван ставил новые и шел дальше. За две недели попались лишь лисица, пара зайцев да глухарь. Осторожно засунув мертвых зверей и птицу в легкую суму, Иван решил, что этого мало. За добычу в деревне он сможет выручить лишь пару рублей, да и это будет удачей.

Он решил наведаться в ближайшее логово вепрей. Возможно, ему повезет, и он сможет добыть кабана. Он преодолел на снегоступах около полуверсты, когда слышал визг диких животных. Иван оставил суму с пушниной на высоком дереве и налегке осторожно начал приближаться к логову. Из-за заснеженных деревьев он увидел небольшую полянку, покрытую грязным талым снегом. Несколько черных низкорослых животных разлеглись на поляне. Один вепрь что-то жевал, а еще один с ожесточением терся о дерево.

Иван снял ружье с плеча и прицелился. Было далеко, и он решил, что с такого расстояния ему не попасть в голову вепря, лежащего на снегу. Он начал тихо приближаться. Добравшись до дерева, что росло на краю поляны, он осторожно снял снегоступы. Ружье его вновь заняло место на плече. Он прицелился. Но под ногой скрипнула ветка, и животные вмиг встрепенулись. Лежащие на земле звери мгновенно вскочили на копыта и, почуввав опасность, бросились прочь с поляны. Иван выстрелил, но промахнулся. Раздосадованный своей неудачей, он бросился прямо на талую землю поляны. Один кабан замешкался, и Иван вновь прицелился в него. Но в следующую секунду охотник неожиданно упал на землю, снесенный мощной силой. Почувствовав от удара тупую боль в ноге, Иван понял, что один из вепрей вернулся и сбил его с ног. Напавший дикий кабан, разъяренно визжа, пробежал по прямой до дерева и остановился, бешено теребя копытом грязную землю. При падении ружье выпало из рук Ивана, но он, мгновенно сориентировавшись, вскочил на ноги и выхватил из-за пазухи широкий нож. Вепрь уже развернулся и, угрожающе выставив острые клыки, вновь приготовился к нападению. Иван напрягся и с силой сжал рукоятку ножа. Кабан завизжал низким грудным голосом и кинулся на человека.

Развязка была быстрой. В тот момент, когда дикое животное с черно-бурой гривой достигло охотника, он выбросил нож и умелым ударом всадил лезвие по самую рукоятку в горло кабана. Второй рукой он с невероятной силой удерживал белый клык вепря, не позволяя обезумевшему от боли кабану нанести себе смертельные раны. Еще несколько секунд ошалевшее животное пыталось нанести удары этому коварному человеку, но рухнуло на землю, увлекая охотника за собой. Иван умело отскочил, дабы вепрь, падая, не придавил его. Резко вытащив нож из раны поверженного кабана, Иван быстро обернулся назад, готовый к новому нападению.

Но рядом никого не было видно. Лишь глухой ветер носил снежные шары между деревьями. Тишина леса дышала спокойствием и безразличием. Видимо, остальные кабаны, испугавшись, убежали прочь. Иван обернулся к своей добыче. Громадная туша вепря лежала неподвижно, и из раны на шее вытекала кровь. Он наклонился над животным и внимательно осмотрел его. Это был зрелый кабан двух-трех лет, и Иван вмиг прикинул, сколько может быть в нем веса. Около восьми пудов. Он подумал, что немного мяса можно оставить на солонину, а остальное обменять на необходимые вещи и провизию в деревне.

Иван отошел от вепря и только теперь почувствовал сильную боль в ноге. Задрав штанину, он осмотрел больное место. Раны не было. Иван отметил, что кабан начес ему не сильный удар и будет лишь синяк. Хромая, он приблизился к ельнику, решив набрать мохнатых веток и сделать подобие полоза, дабы положить туда добычу.

Спустя несколько часов охотник приблизился к заснеженной маленькой избушке, что стояла на высоком месте недалеко от болот. Всю дорогу до дома нога Ивана болезненно ныла, но он почти не замечал этого. А также того, что туша кабана, которую он волоком тащил на самодельной подстилке из еловых веток за собой, невозможно тяжела. Он думал о том, как скорее добраться до дома и увидеть Катюшу. Но еще одно беспокоило его. У девушки не было теплой верхней одежды. Сначала Иван решил, что подстрелит полдюжины лисиц и отдаст их скорняку в деревне, для того чтобы сшить ей шубку. Но через какое-то время, передвигаясь по заснеженному лесу, он понял, что на охоту уйдет много времени. А одежда девушке нужна сейчас, для того чтобы она смогла дышать свежим воздухом. Именно эти мысли и крутились в голове Ивана всю обратную дорогу.

Едва завидел деревянную избушку, он вспомнил, что сегодня наконец-то сможет затопить небольшую баньку. Только вчера он закончил утепление ее стен. Раньше он редко ходил в баню, и сквозняки не слишком докучали ему при мытье. Но больная девушка могла замерзнуть в холодной баньке. Оттого последние несколько дней он подолгу чинил маленькую деревянную постройку. Почти три недели Катюша жила у него, и еще ни разу она не мылась. Лишь в первый день Иван влажной тряпкой обмыл ее от крови и грязи. Но сейчас девушке было уже лучше, и он намеревался сегодня же попарить ее в бане специальной хвоей, которая изгоняла из тела все хвори. Это осознание заставило его сердце забиться быстрее, и он поспешил к дому.

Добравшись до небольшого расчищенного от снега двора, Иван оставил убитого вепря на улице, намереваясь после освежать животное. Ловкими движениями счистив налипшее со снегоступов, Иван поставил их в сених. С некоторым трепетом он вошел внутрь теплого домика и сразу же отыскал взглядом темноволосую девушку, которая сидела на кровати. Он пробежался по ней цепким взором. На ней был длинный красный сарафан, из-под которого виднелись ноги в вязаных чулках. Горло ее было обвязано теплым платком. Ее длинные волосы были собраны в толстую косу. Одежда делала ее похожей на деревенскую девушку. Однако томный немного высокомерный взгляд Катюши, утонченная и изысканная речь девушки, ее грациозные плавные движения выдавали в ней дворянскую породу.

Едва он появился на пороге, как Катюша вскинула на него напряженный взгляд. Иван прошел в избу и положил мешок на лавку в углу.

– Отчего вы не лежите? – спросил он недовольно, развязывая суму и доставая пойманных животных.

– Я устала все время лежать, мне уже лучше. Я могу помогать вам по хозяйству.

Иван обернулся к ней и жестко заметил:

– Вы еще не поправились и слабы словно дитя.

– Это не так. Мне гораздо лучше, – возразила Катя тихо, не понимая, отчего он все время пытается выставить ее невозможно больной и немощной. – Прошу, позвольте мне хотя бы готовить.

Иван вновь оторвался от пушнины. Приблизившись к Катюше, он внимательно оглядел ее и отметил, что цвет ее лица был уже не таким бледным, как неделю назад. А ее глаза, прозрачные и ясные, теперь сверкали подобно двум ярким голубым топазам. Она действительно казалась вполне здоровой. Все эти выводы совсем не понравились Ивану, ибо осознание того, что девушка вскоре может окончательно поправиться и покинуть его жилище, вызвало в его душе недовольство. Увидев в ее больших печальных глазах мольбу, он пробурчал:

– Вы даже на ногах не стоите. Как вы собрались готовить еду?

– Посадите меня за стол или рядом с плитой. Для того чтобы кашу мешать да тесто месить не нужно стоять.

Иван прищурился. Он знал, что она права. И, видимо, более нельзя было заставлять ее лежать в постели. Вдруг девушка закашлялась.

– Вот видите, я же говорил, что вы еще нездоровы, – заметил он.

– Но руки-то у меня здоровы, – нашлась Катя, как только перестала кашлять.

– Ну ладно, ваша взяла, – произнес недовольно Иван и указал на глухаря, которого он пару минут назад положил на деревянный стол. – Вы сможете его ощипать?

– Конечно, я много раз помогала на кухне Миланье кур ощипывать.

– Вашей кухарке? – переспросил Иван.

– Ну да. У батюшки в поместье она лучше всех... – Катя тут же осеклась, поняв, что он специально задал каверзный вопрос, дабы она рассказала чуть больше о себе. И, нахмурившись, добавила: – Это неважно.

Иван внимательно посмотрел на девушку, пытаясь хоть что-нибудь прочесть о ее прошлом на бледном лице, и уже через миг вздохнул, поняв, что Катюша более ничего не скажет. Он приблизился к ней вплотную и предложил:

– Что ж, давайте я посажу вас за стол, чтобы вам было удобнее.

Легко подхватив ее на руки, Иван перенес ее на скамью, находившуюся около стола. Усадив девушку, он не отошел от нее, а остался стоять рядом, за спиной.

– Теперь довольны, Катерина Васильевна?

– Да, вполне, – кивнула она, не поворачивая к нему лица.

Вдруг его пальцы прикоснулись к ее волосам за ушком, и Катя вздрогнула, повернув к нему лицо.

– Перо от подушки в ваших волосах, – ответил он глухо.

Убрав руку, он сделал вид, что что-то выбрасывает. Катя окатила его быстрым пронзительным взглядом и отвернулась. Проворно пододвинув к себе глухаря, она начала ощипывать птицу, стараясь не думать о том, что он так и стоит за ее спиной. Не прошло и нескольких мгновений, как она ощутила, как широкая теплая ладонь Ивана легла на ее голову. Медленно и очень ласково он провел рукой по ее темной косе сверху вниз. Невольно замерев от его прикосновения, девушка перестала ощипывать птицу.

– С этой косой вы словно девочка, – гортанным проникновенным баритоном произнес Иван.

Его рука двинулась дальше вниз и переместилась на ее спинку. Катюша растерянно смотрела перед собой, боялась повернуть к нему лицо. Станные, слишком интимные прикосновения этого мужчины привели ее в стопор, и она не понимала, зачем он это делает. Отчетливо ощущая его горячее дыхание на своем затылке, она, пытаясь разрядить напряженную обстановку, которая возникла между ними, испуганно выпалила:

– Мне бы миску для перьев.

Иван медленно убрал руку, которая уже почти достигла низа ее спины, и, вздохнув, тихо откликнулся:

– Сейчас подам.

Спустя пару часов они впервые вместе сидели за небольшим дубовым столом и трапезничали. На ужин Катюша под цензорским взглядом Ивана, который то и дело указывал, что ей делать, сготовила гречневую кашу с небольшими кусочками мяса того самого глухаря, которого ощипала чуть раньше. Иван пересадил ее к печи, и девушка, вставая на колени, вполне умело смогла и поправить в печи огонь, и помешать кашу. И теперь они сидели напротив друг друга, и Катюша, покрасневшая от печки, с аппетитом поглощала ужин, стараясь поменьше смотреть на него. Ибо его пристальный, какой-то темный пыливый взгляд не оставлял ее ни на минуту, неимоверно смущая. Через какое-то время он вымолвил:

– Я затопил баню, скоро она будет готова. Вам надо помыться.

Услышав его последнюю фразу, Катя удивленно вскинула на него глаза и спросила:

– Помыться?

– Да. Я отнесу вас в баньку и попарю хорошенько, чтобы вся хворь вышла. А то вы уж больно сильно кашляете, – объяснил он.

Хотя Катюша безумно жаждала помыться, слова Ивана вызвали недоумение. В ее голове нарисовалась какая-то непристойная картина с его участием.

– Вы что ж, хотите меня сами парить? – выдохнула она удивленно, округлив глаза.

– Конечно, – ответил он.

Катя зарделась, словно алое яблоко.

– Это недопустимо!

– Отчего же? Вы еще слишком слабы, и я помогу вам вымыться, – заявил он властно.

– Я не пойду с вами в баню! – тут же выпалила Катюша, сверкая на него непокорными глазами и думая, что он, конечно же, шутит. Ибо это было просто неприемлемо, чтобы она мылась при нем в бане. И, конечно же, никакая ее немощь не оправдывала этого. Однако на его лице была написана такая уверенность в своей правоте, что Катюша, желая сразу же на корню пресечь эти его развратные заявления о том, что он намерен парить ее сам, заявила: – Я не так немощна, как вы пытаетесь мне доказать, Иван Алексеевич. И вполне могу обойтись в бане и без вашей помощи.

– И кто же вас веником охватит? Не бойтесь, сильно я стегать вас не буду, – начал он снова.

– Неужели вы не понимаете, что это неприлично?! – возмутилась она.

– Вы преувеличиваете, Катерина Васильевна, – недовольно заметил он. – Что такого, если я...

– Нет, – неучтиво перебила его Катюша. – Если вы действительно хотите мне помочь, то просто отнесите меня в баню, а дальше я сама.

– Но вы не сможете помыться одна, – напряженно сказал он, устремив на нее предостерегающий пронзительный взор темно-зеленых глаз.

– Смогу, – заявила она так уверенно, что брови Ивана сошлись у переносицы, и он опустил глаза. Он заставил себя проглотить еще одну ложку каши, но через миг резко выскочил из-за стола и начал одеваться на улицу.

– Пойду проверю, как топится. Наверное, дрова еще нужны, – буркнул он и быстро вышел из избы.

Катя смотрела на закрытую дверь, за которой исчез Иван, и все больше утверждалась в мысли, что надо как можно скорее поправиться и покинуть это место, хозяин которого явно хотел добиться от нее чего-то большего, нежели простых слов благодарности.

Чуть позже он действительно отнес ее в баню и оставил в мыльной, как она и просила. Дождавшись, когда Иван уйдет, Катюша проворно сняла сарафан и рубашку, уже довольно умело, но все же осторожно на коленях переместилась в парную и просидела там некоторое время. Затем так же на коленях перебралась по теплomu полу в моечную. Разведя теплой воды в корыте и заметив на лавке миску с жидким мыльным корнем, вымыла два раза голову. А затем и все тело. Она торопливо закончила мыться и вытерла влажные волосы грязной рубашкой. Именно в этот момент слышала в предбаннике тяжелые шаги Ивана. Испуганно схватив сарафан, который висел чуть сбоку, она успела лишь прижать материю к своему обнаженному телу. Иван зашел в моечную без стука, и тут же его темный цепкий взор впился в девушку. Широкий сарафан, притиснутый к ее телу, прикрывал Катюшу от груди до коленей, и она вмиг смутилась от его наглого поведения.

– Вы закончили? – спросил он с вызовом и как-то зло. И Катя неуверенно кивнула в ответ. Он быстро приблизился к ней и бесцеремонно накинул на нее одеяло, не дав даже одеться.

Завернув девушку, как куклу, он вынес ее наружу, предварительно поправив одеяло на ее голове. В избе он опустил Катю на кровать и заявил ядовитым тоном: – Одевайтесь, я не буду вам мешать.

Когда дверь за ним закрылась, и Катя осталась одна в мрачной избушке, освещаемой лишь одной лучиной, она несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь привести дыхание в порядок. Еще в баньке ее горло сковал такой страх, что она боялась пошевелиться в руках Ивана, когда он поднял ее. И сейчас ощущала себя подобно зверьку в капкане и словно зависела от милости охотника. Он мог переломить ей шею, а мог и отпустить на волю. И этим охотником был именно этот человек.

Катюша без промедления надела на себя чистую длинную рубашку, которая лежала на кровати, и, замотав старой рубашкой волосы, залезла под теплое одеяло. Только теперь она вдруг осознала, что Иван как-то странно держал ее, неся в избушку из бани. Она отчетливо ощутила, как его дерзкие руки держали ее не за бедра, как должны были, а за ягодицы. А бородатое суровое лицо его почти касалось ее щеки, отчего девушка даже на морозе почувствовала его горячее неровное дыхание. И все эти выводы, а еще более инстинктивное чутье, что хозяин избушки явно испытывает к ней далеко не невинные желания, привели существо Катюши в расстройство.

Глава V. Вредный

Катюша, увидев, что крышка чугунок начала приподниматься, наклонилась вперед, встав коленями на лавку, и взяла ухват. Передвинув кашу в сторону, подальше от огня, она снова села и принялась лепить пельмени. Тесто, раскатанное тонким слоем, в руках девушки умело начиналось рубленным мясом и принимало форму маленьких полумесяцев.

Прошло уже восемь дней, как Иван позволил ей заниматься приготовлением пищи. Первые дни он критично смотрел за тем, как девушка передвигается по лавкам на коленях, между столом и плитой. Лавки были специально поставлены на расстоянии, удобном для Кати. Да, она не чувствовала ступней ног, но колени ее были подвижны, и Катя легко перемещалась между печью и столом.

Заслышав очередной стук топора, Катя подумала, что этот человек просто не может сидеть без дела. Все эти дни, что она провела в лесном жилище, Иван все время что-то чинил, ходил на охоту или занимался хозяйством. Лишь по вечерам после ужина он садился на большой покрытый старой мешковиной сундук и начинал перебирать оружие, которое осторожно снимал со стены, противоположной кровати. Он чистил ружья, протирал и точил ножи. Иногда Катя замечала, что он гладит оружие. В эти моменты его лицо принимало странное выражение. Оно становилось мягким, отстраненным и мечтательным. Катюше отчего-то казалось, что Иван вспоминает о чем-то. Возможно, о давно прошедших днях. И воспоминания эти были явно любимы Иваном. Суровость его лица куда-то исчезала, и он казался ей другим. Девушка ощущала, что перед ней незнакомый человек.

Катя еще не закончила укладывать на доску первый ряд пельменей, как в избу вошел Иван. Стряхнув снег с мохнатой шапки, он положил ее на высокую полку. Снял тулуп и направился мыть руки. Проходя мимо нее, Иван остановился.

– Как вы сняли кашу? – удивился он.

– Ухватом.

– Отчего же меня не позвали? – спросил он недовольно.

– Зачем? Вы заняты были. Или вы все еще считаете меня беспомощной? – усмехнулась она. – Вот я пельмени почти закончила стряпать.

– Вижу, – сердито буркнул Иван и направился к умывальнику.

Спустя четверть часа они ели вкусную гречу с солеными грибами и запивали медовым чаем. Иван молчал. С начала трапезы он то и дело странно поглаживал на Катю. Она чувствовала, что он хочет ей что-то сказать, но не решается.

– Вы сегодня не замерзли ночью? – спросил он вдруг и внимательно посмотрел на девушку.

Отчего-то этот вопрос насторожил Катю.

– Нет.

– Я вот думаю, может, утеплить избу? А то скоро морозы будут лютые. Я-то привык к холодам. А вот вы можете снова простудиться.

Сначала его слова вызвали в душе девушки чувство благодарности. Но спустя минуту Катя задумалась. Неужели он думает, что она останется в его избушке надолго и будет пережидать какие-то морозы? Нет, этого просто не могло быть.

Вот уже неделю, едва Катюша почувствовала себя лучше, она размышляла о том, что делать дальше. Возвратиться в разоренное поместье она не могла. Вероятно, разбойники-убийцы все еще находились там. Поэтому она все-таки решила отправиться в Петербург к своей родной тетке. Но Катя была немощна, и единственным человеком, который мог вывести ее из этой глухой чащи леса был именно Иван. Девушка решила, что уже вполне здорова,

чтобы выдержать долгий путь до столицы. Ибо она осознавала, что далее оставаться в этом убогом забытом всеми жилище с его странным, суровым хозяином невозможно.

Теперь Иван выглядел несколько иначе, чем месяц назад, когда Катюша впервые увидела его. Он стал часто мыться в бане, по три раза на неделе, обычно после нее. Сейчас он собирал волосы в тугий узел на затылке, перевязывая их короткой холщовой веревкой, чтобы они не мешали. Эта прическа открывала высокий лоб, и его лицо казалось более выразительным. Большие живые темно-зеленые глаза его были глубоко посажены. Даже пахнуть от Ивана стало лучше.

С самого первого дня, едва Катюша поселилась в лесной избушке, она замечала настойчивую алчную заинтересованность Ивана в ее персоне. Ей совсем не нравился его постоянный горящий темный взгляд, направленный на нее. Поначалу он вел себя достаточно сдержанно. Но затем при малейших попытках девушки держаться от него на расстоянии или быть самостоятельной, его поглощающий взор становился угрожающим. Иван ничего не говорил ей постыдного, но Катя инстинктивно чувствовала, что за этим молчаливым недовольством Ивана скрывается что-то еще.

Катя, как только могла, пыталась изолировать себя от этого человека. Она попросила его сделать ей большие лапти, в которых она на коленях могла сама передвигаться по избе. Хотя такой способ передвижения был для девушки труден, Катя могла им пользоваться при походах в отхожее место или же когда Ивана не было дома. Эта небольшая самостоятельность радовала ее. Однако полностью избегать общества Ивана было невозможно. Едва появлялся на пороге избушки, он не позволял Кате передвигаться самой, а, молча угадывая ее намерения или настойчиво спрашивая о них, переносил девушку на нужное место. При этом ворча о том, что Катюша могла бы не бояться просить его о помощи. Благо по прошествии первых двух недель Иван стал оставаться дома гораздо реже, чем раньше.

С каждым последующим днем Кате казалось, что дерзкие прикосновения этого лестного отшельника, а именно так про себя она называла Ивана, становятся более настойчивыми. И она видела, что в последнее время он даже не собирался скрывать своего жадного интереса к ней. На днях он ладонью обхватил ее грудь, якобы перепутав с талией, а вчера, когда разминал с мазью ноги, непозволительно высоко запустил руки под ее рубашку, и когда Катя недовольно зыркнула на него, Иван с вызовом посмотрел на нее, и руку убрал не сразу. На все его попытки смутить ее и нагло прикоснуться, Катюша молчала и делала вид, что не замечает этого. Девушка понимала, что скандалы не приведут ни к чему хорошему. И не знала, чего еще можно было ожидать от этого высокого молчуна с пронзительными темно-зелеными глазами и мрачным выражением на лице. Сейчас она полностью зависела от этого мужчины. И порой ей безумно хотелось убежать, забыть эту маленькую избушку, которая стала для нее одновременно и пристанищем, и ловушкой. И ей было необходимо как можно скорее покинуть это глухое место.

Катя молчала долго, отчего-то нервно теребя ложку. Иван решил, что она задумалась о своем и, похоже, не собирается продолжать разговор. Он прокашлялся, чтобы привлечь ее внимание, и сказал:

– Катерина Васильевна, так что вы думаете о том, чтобы утеплить избу?

– Не думаю, что меня это касается, – ответила она безразлично.

– Отчего же?

– Оттого, что я намереваюсь уехать отсюда и как можно скорее, – заметила она тихо, но твердо.

– Уехать? Вот еще новость! – как-то раздосадовано вспыхнул он.

– Иван Алексеевич, я живу у вас месяц. Я уже почти здорова. Мне более неудобно стеснять вас своим присутствием.

– Катюша, вы не стесняете меня. И вообще, не пойму, к чему вы завели этот разговор? – спросил напряженно он.

– Вы могли бы отвезти меня в деревню?

– Я же уже говорил вам, что там опасно, – быстро выпалил Иван, вперив в нее недовольный взор.

– Да, помню. Но я не про ближайшее село говорю. В округе же есть и другие деревни?

– Какие еще другие? Поблизости только эта. В остальные я не ходил. Они, скорее всего, не ближе двадцати семи верст. И дорогу до них я не знаю.

– А Сарское село далеко отсюда?

– До него тоже верст тридцать будет, не меньше. Только в ту сторону через болота идти. Ибо эта чаща с трех сторон окружена топями. А если по длинному пути, минуя болота, то верст сорок с лишним будет.

– Но ведь тридцать верст можно за день пройти.

– За два, если летом. А на снегоступах ход гораздо медленнее. Да и тропа теперь вся занесена, – объяснил он. – И вообще, я не пойму, зачем вы версты считаете, Катерина Васильевна? Ходить-то вы все равно не можете, – закончил он холодно.

– Но вы могли бы меня отнести, – предложила она неуверенно, устремив на него чистый пронзительный голубой взор.

– Как это отнести? – спросил Иван, нахмурившись, прекрасно понимая, о чем она говорит.

– Вы же принесли меня сюда, когда нашли в лесу...

Он долго пристально смотрел в ее взволнованное красивое лицо и лихорадочно искал в своих мыслях нужный ответ, чтобы закончить этот неприятный разговор. Потому что он совершенно не жаждал куда-либо нести ее.

– Да, я принес вас. Но скажу я вам, вы совсем не легкая ноша. Я пару раз отдыхал. И едва добрался до избушки. Тяжко прямо, – не моргнув глазом, соврал Иван, прекрасно зная, что девушка очень легка. Когда переносил ее на руках с места на место, он даже поднимал ее без напряжения. А той ночью на его плече она показалась ему не тяжелее волчицы. Оттого в тот злополучный день, когда спас ее, он добрался до своей избушки довольно быстро, ибо перемещался на своих снегоступах, не снижая привычного темпа, которым ходил по лесам. Тяжелой ношей Иван считал лишь убитую тушу вепря, которая могла весить до дюжины пудов. Но всего этого он, естественно, не собирался рассказывать Катюше, преследуя свои тайные интересы. И, уверенно смотря на нее, продолжил: – Только на рассвете добрался. А это почти полночи. Выдохся. Просто уж больно жалко было вас. Вот и терпел из последних сил. А нынче уж увольте. Не смогу я донести вас так далеко. И путь-то сейчас в три раза больше надобен, да и зима теперь.

Катя нахмурилась, наряжено размышляя, и уже через несколько мгновений предложила:

– А если подстилку сделать из веток, типа санок? Вы бы смогли волоком меня отвезти.

– Что еще за глупость? – опешил он, нахмурившись, поразившись ее сообразительности.

Этот разговор невозможно напрягал Ивана. Он прекрасно знал, что, если бы действительно захотел, он нашел бы способ доставить девушку не только до дальней деревни, но и до Петербурга, если надо. Но он совсем не хотел, чтобы она исчезала из его избушки. Может быть, потом, чуть позже. Всем своим существом он яростно жаждал, чтобы зависимое положение Катюши при нем продолжалось и далее и она непременно находилась здесь подле него.

– Так же в санях люди зимой ездят.

– А это уж вообще глупая мысль, Катерина Васильевна, – заметил он, нахмурившись. – И к тому же морозы стоят лютые теперь, да и тропу занесло. И на подстилке этой вы замерзните насмерть. А идти мне придется почти три дня и в лесу ночевать. вы не выдержите такого.

Катюша долго молчала, инстинктивно чувствуя, что он чего-то недоговаривает или просто пытается ей внушить, что ей никак не выбраться из его логова. Это совсем не нравилось ей и вызывало неприятные думы о том, что он специально делает все, чтобы не отпускать ее отсюда. И оттого она тихо напряженно вспыхнула:

– Мне отчего-то кажется, Иван Алексеевич, что вы ищете предлог, чтобы я осталась здесь.

Он упер в нее темный горящий взор и лишь через минуту с вызовом произнес:

– А если и вправду ищу?

– Я уже поняла это! – воскликнула девушка. И, видя, что он начал играть в открытую, нервно сказала: – И знаете, что я вам скажу... знаете? – она замялась и, сглотнув комок в горле, выпалила: – Вы должны помочь мне выбраться из леса! Должны!

– Должен? С чего бы это?! – ехидно фыркнул он, оскалившись не по-доброму. – У меня совершенно нет желания в такой лютый мороз отправляться куда-то, да еще за сорок верст. Еды на зимовье у меня хватит на нас обоих. К тому же я охочусь постоянно. А вот весной, может быть, когда снег сойдет, да и вы поправитесь...

– Как весной? – опешила вконец Катюша.

– Вот именно! До весны даже не заикайтесь о том, – закончил он властно. Проворно встав из-за стола, Иван быстро отвернулся и отошел от девушки, видимо, намереваясь закончить этот важный для нее разговор.

– Вы не имеете права удерживать меня здесь! – возмутилась в сердцах Катюша, нервно смотря на его широкую спину и ощущая, что от негодования у нее дико стучит сердце. – Иначе я... я... – она замялась, подбирая в голове слова, и, нервно кусая губы, понимая, что не может заставить его сделать, как ей надобно.

Ибо теперь, беспомощная, с больными ногами, она полностью была в его власти, и он решил бессовестно воспользоваться этим ее немощным положением. Иван резко обернулся к ней, в три прыжка вновь приблизился к девушке и угрожающе склонился над ней.

– И что же вы сделаете, Катерина Васильевна? Закричите? Заплачете? Что еще? – с вызовом и какой-то издевкой прохрипел он ей прямо в лицо.

Катюша уже намеревалась достойно ответить этому наглецу, но, видя нескрываемую угрозу и жесткость в его темно-зеленых опасных глазах, уже через миг замерла, все же не решившись более спорить с ним.

– С вами совсем невозможно говорить, Иван Алексеевич, – обиженно вымолвила она.

– А вы и не говорите, – задиристо ответил он. – Когда молчите, вы мне больше нравитесь...

Катюша обиженно замолчала и опустила взор в свою тарелку. На ее глаза навернулись слезы. Иван, окинув темноволосую голову девушки предостерегающим взглядом, отошел от нее и принялся снимать со стены свое оружие, как и обычно, по вечерам, намереваясь почистить его. Катя кидала на него нервные быстрые взгляды и хмурилась. Она понимала, что более не может оставаться здесь. Ее до крайности смущали и нервировали темные пристальные взоры Ивана и его постоянные якобы нечаянные дерзкие прикосновения, когда он носил ее в баньку или растирал ноги. Какое-то внутреннее чувство подсказывало девушке, что она нравится Ивану как девица. И оттого он, видимо, преследуя свои темные желания, не хотел отпускать ее из своего лесного жилища. Но Катюша всей душой жаждала выбраться из этой глухой чащи леса и избавиться от власти этого мрачного, сурового отшельника.

Через некоторое время она, не выдержав напряжения, устремила на него отчаянный взор.

– Не пойму я вас, – заметила она нервно. – Вы что же, предлагаете мне навечно остаться здесь?

– Отчего же? – глухо ответил Иван, вновь повернув к ней лицо. – Выздоровливайте скорее, чтобы ноги ваши сами ходить могли. Да идите на все четыре стороны. А сам я вас никуда не понесу! Ибо не под силу это мне...

Глава VI. Беркут

– Итак, по рукам, – согласился довольно маленький скорняк и добродушно улыбнулся высокому отшельнику. – В течение трех следующих месяцев вы должны будете привозить мне четыре лисьи шкурки в месяц. С учетом этих пяти. Уже к апрелю мы будем в расчете

– Договорились, – кивнул Иван. – Когда я смогу забрать шубку?

– Хоть сейчас. Уже неделя, как я сшил ее на нужный размер, как вы и заказывали.

Тридцать первого декабря весь день шел снег. Катюша, печальная, скучающая, сидела у окна. Обед уже был совсем готов, и она отстраненно смотрела сквозь натянутый на окне бычий пузырь на улицу. Холодный зимний свет едва проникал внутрь избы. Лавка, на которую ее пару часов назад посадил Иван, находилась около печки, и Катюша ждала, когда закипит суп. Перед своим уходом все необходимые продукты и приправы Иван поставил на небольшой стол, для того чтобы девушке было удобнее. Катюша теперь была в избушке одна, ибо еще с утра Иван ушел по делам в ближайшую деревню.

Сегодня кончались святки. Праздничные таинственные дни, которые Катюша любила еще с детства. Она помнила, как в зеленой гостиной в родительском доме на святки собирались многочисленные гости и устраивались званые вечера с плясками и гаданиями. В усадебном доме Пашковых две недели подряд пахло свежими аппетитными пирогами и засахаренными фруктами. Катя вспоминала, как еще девочкой она сестрой и братом убегала играть на заснеженный двор, чтобы покататься с большой ледяной горы, которую по велению ее батюшки дворовые заливали каждую зиму для господских детей.

Катя не заметила, как из ее глаз полились тихие слезы, а сердце забилося частыми глухими ударами. Как давно это было. И тогда она даже подумать не могла, что ее любимые родные люди будут зверски убиты разбойниками. Она еще сама до конца не понимала, как осталась жива. И почти не верила, что все события, которые происходили с ней сейчас, были реальностью, а не плодом ее больного воображения.

Более месяца она обитала в жилище Ивана. И за все это время ее ноги так и не выздоровели. Ступней и икр она не чувствовала. Ни растирания, ни снадобье знахарки не помогли. И Катя с каждым днем все более и более отчаивалась, думая, что уже никогда не вернется к своей прежней спокойной, полной достатка и неги жизни.

Катюша закрыла на миг глаза и вспомнила иллюстрацию из одной давно прочитанной ею французской книги: высокий красивый щеголь в модном светлом камзоле, в белых чулках, в башмаках с вычурными пряжками склонялся в изысканном реверансе перед кокетливой прелестной девушкой в чудесном платье. Волосы мужчины, скрытые под завитым париком, прекрасно сочетались с высокой напудренной прической дамы. Еще с ранней юности в хорошенькой голове Катюши сложился образ будущего мужа – утонченного, галантного придворного, который умеет красиво изъясняться и говорить возвышенные комплементы своей возлюбленной. Богатый, успешный, он непременно должен занимать хорошую должность при дворе. И сейчас она в очередной раз вспомнила слова покойного отца:

– Катенька, ты достойна самого лучшего мужа.

Эта фраза еще с детства уложились в голове девушки неизменной истиной, и она мечтала когда-нибудь стать изысканной светской дамой, достойной самого желанного придворного кавалера.

Крышка чугунок задребезжала, и Катя очнулась от своих сладостных мыслей. Она передвинула щи вбок и сняла пробу. Бульон из фазана был наваристым и имел приятный вкус. Девушка закрыла крышку и собиралась уже спуститься с лавки, но в этот момент за дверью раздался шум. Поняв, что вернулся Иван, Катюша нахмурилась, повернувшись к двери.

Через минуту суровый хозяин появился на пороге, войдя в теплую избу. Его мощная высокая фигура в темном, грубом тулупе показалась Кате совсем неприглядной. Мохнатая черная шапка, нахлобученная на его голову, вызвала у нее брезгливость.

С порога пробежавшись горящим взглядом по тонкой фигурке девушки у печки, Иван уже более не упускал ее из виду и, даже перемещаясь по избе, то и дело косился глазами в ее сторону.

– Пахнет-то как вкусно! – похвалил он, опустив свою поклажу на стол.

– Щи только поспели, а пирожки с грибами в печке остывают.

Он проворно скинул свою верхнюю одежду и наскоро ополоснул руки в умывальнике.

– Вы и впрямь истинная хозяйка, – ласково заметил Иван, приблизившись. – Я зря сомневался в вас. Вы уже закончили готовить?

– Да, – кивнула Катюша, смотря на его хитро-довольное выражение лица.

Не спрашивая ее согласия, Иван легко подхватил девушку на руки и перенес на кровать. Катя хотела возмутиться его поступком, но решила промолчать. Иван вернулся к столу и, раскрыв холщовый мешок, достал оттуда лисью шубку. С внешней стороны изделие было сшито из красивого белого сукна, украшенного позолоченной нитью, а внутри шубки был густой рыжий мех.

– Это вам подарок, Катюша, – сказал Иван тепло и улыбнулся ей. Он поднес обновку к девушке, и она отметила, что его лицо стало приветливым и даже приятным. Немного опешив, Катя сидела молча и лишь удивленно смотрела на шубку, которую Иван положил к ней на колени. Он остался стоять рядом с ней и как-то проникновенно добавил. – Я подумал, что вам обязательно нужна шубка. Я постараюсь вас носить ежедневно на улицу, и вы будете дышать свежим воздухом. Не дело это все время вам в избушке сидеть. Наденьте ее, примерьте.

Катя быстро взглянула на него и вновь перевела ошарашенный взор на шубку, заворожено погладив рыжий мягкий мех. Девушка осторожно надела эту красивую вещицу. Встав на коленки, прямо на кровати, она кокетливо начала оправлять на шее рыжий мех и уже через некоторое время улыбнулась.

– Какая теплая, да какая красивая, – пролепетала она довольно.

Иван, стоял рядом с нею и, услышав восхищение в голосе, довольно улыбнулся лишь уголками губ, созерцая неподдельную Катюшину радость, которая отчетливо читалась на ее лице.

– Я совсем забыл! – воскликнул Иван вдруг и снова направился к суме.

Он извлек небольшую мохнатую лисью шапочку, и подал девушке. Катя надела ее на темноволосую голову и довольно улыбнулась ему. Невольно в этот миг ей показалось, что лицо Ивана не просто приятно ее взору, а довольно привлекательно. Жесткая складка на его лбу разгладилась, темные брови эстетично обрамляли добрые глаза, а красиво очерченные губы выделялись на фоне темной бороды.

– Теперь я смогу гулять! Спасибо вам! – воодушевленно сказала она.

Мечтательно прикрыв глаза, Катюша театрально упала на кровать, наслаждаясь мягкостью и приятностью меха. Она тут же представила, как приезжает на санях в Петербург, одетая в такую красивую шубку. Все прохожие изысканные кавалеры заметят ее на улице и, тогда... Катя вдруг открыла глаза и похолодела. Над ней возвышалась мрачная, широкоплечая фигура лесного отшельника, который, чуть склонившись над распростертой на кровати девушкой, внимательно смотрел на нее. Это разительное отличие между образом мужчины из ее грез и чело- веком, который сейчас пронзительно смотрел на нее, вызвало у Кати испуганный вскрик. Она резко села на кровати и начала нервно стаскивать с себя обновки.

– Что-то не так? – встревожился Иван. – Вам не нравится?

Он пытался прочесть по глазам Катюши, что так опечалило ее, но не понимал, что все-таки случилось. Он отметил, что настроение девушки вмиг изменилось отчего-то, а ее взгляд

стал ледяным. Положив шубку и шапку на край кровати, Катюша упала на подушку лицом вниз и заплакала. Стоя над ней, Иван хмурил темные брови, не понимая, что произошло и что он сделал не так, раз она так сильно расстроилась?

Иван вновь лежал без сна. Ощущение того, что Катюша находилась всего в нескольких шагах от него, не давало ему покоя. Постоянно чувствовать невыносимое, сжигающее желание к этой юной прелестнице. Знать, что она в его власти, и никто не сможет прийти ей на помощь. Но понимать, что она скорее боится его, нежели рада его обществу и неизменному присутствию рядом. Все эти мучительные думы бурлили в голове Ивана и терзали его душу.

Сквозь зубы протяжно вздохнув, он снова закрыл глаза и представил себе картину давно минувших дней. Золотая зала, освещенная множеством свечей. Нарядные пары, бойко отплясывающие танец. Женщины, стоящие рядом, ловят каждое его слово и взгляд. Он невероятно юн, хорош собой, элегантно одет в светлый военный мундир с красными обшлагами. Да, тогда женщины восхищались им, желали его общества.

Иван резко распахнул глаза. Нет, он совсем не хотел возврата к той прежней беззаботной праздной жизни. Просто ему на миг подумалось, что, если бы он выглядел как раньше, возможно, Катюша обратила бы на него внимание, а не пугалась каждого его приближения. Да, теперь он превратился в мрачного, молчаливого дикаря с цепким опасным взглядом и, видимо, внушал лишь страх испуганной девушке. Он не знал, что еще сделать, чтобы Катюша посмотрела на него другими глазами, чтобы увидела в нем мужчину, человека, способного любить и обожать ее. Все его страстные намеки, а порой дерзкие прикосновения, как будто не замечались ею или игнорировались. Он ощущал, что с каждым днем его вожделение к этой юной прелестнице нарастает и скоро уже станет неуправляемым. Ее холодность и расстояние, которое она постоянно устанавливала между ними, лишь сильнее распяляли его. И он ощущал в себе нетерпение охотника, который преследует непокорную лань, постепенно заманивая ее в капкан, из которого она уже не сможет выбраться.

Протяжно завыл волк. И Иван подумал, что завтра надо будет прочесать лес вокруг избы и припугнуть непрошенных хищников. Последние дни волки уж больно близко стали подбираться к дому.

Мысли его вновь вернулись к Катюше. Она была так молода и невинна, неопытна и прекрасна, что Ивана вновь захватили алчные навязчивые мысли об обладании девушкой. Осознание того, что еще ни один мужчина не обнимал ее, не называл своей и не целовал, так распяляло его воображение, что он постоянно представлял, что именно он будет первым ее мужчиной. Тем, кто покажет Катюше неизвестный мир плотских страстей, жадных ласк и опьяняющих поцелуев.

Не в силах более сдерживать свои страстные порывы он тихо встал и приблизился к кровати, где спала девушка. Лучина тускло освещала избу, и он четко различал изящные черты ее гибкого стана. Его взор, темный и горящий, описал несколько кругов по ее безмятежному лицу, и Иван тихо вздохнул. Темные, переливающиеся в лунном свете волосы девушки разметались по подушке. Тоненькая, белая рука лежала поверх одеяла, а губы были слегка приоткрыты.

Он отчетливо осознавал, что Катюша не только обладает редкой чарующей красотой, но и девственна, чиста и невинна. Ее сладость в сочетании с неискушенностью притягивали его словно магнитом. Еще никогда он не испытывал такого неистового восхищения девицей. Да, когда-то давно в его жизни случился неприятный бурный роман с одной барышней при дворе, но та его плотская любовь была жестоко разрушена той самой девицей, которая совсем не оценила его душевных порывов и преданности. О том романе Иван вспоминал с неким чувством горечи и неприязни.

Однако, повстречавшись с Катюшей в тот страшный ноябрьский день в холодном лесу, он ощутил, что его сердце все еще живо и способно чувствовать. И эта девушка, которая теперь

обитала в его избушке, казалась Ивану совершенно другой, не такой, как те девицы при дворе императрицы, с которыми он имел дело ранее. Она была непосредственна, наивна, мила и открыта, как ребенок, который не умеет скрывать свои истинные чувства, когда ей бывало весело – она смеялась, а когда грустно – плакала. И Иван искренне надеялся, что с этой прелестной ланью все будет по-другому, иначе, чем тогда, при дворе. Он знал, что рано или поздно эта чаровница с длинными черными волосами и завораживающими голубыми озерами глаз все равно станет его возлюбленной. Другого выхода у нее не было.

Пухлые алые губы ее были до того притягательны, что уже через некоторое время, не в силах сдержаться, Иван медленно склонился над Катюшей, и его губы приоткрылись, предчувствуя долгожданный поцелуй. Но именно в этот момент она вдруг заворочалась во сне и перевернулась набок, оказавшись спиной к нему. Ее стройная спинка с узкой талией и округлыми бедрами чуть остудили порыв Ивана, но не заглушили в нем страстного вожделения. Чувствуя, что в висках бешено стучит кровь, он склонился сильнее к спящей девушке, и его твердые горячие губы притиснулись к ее шее сзади. Нежность ее кожи, а более ее обволакивающий сладкий пьянящий запах привели его существо в неистовый трепет, и он понял, что должен немедленно прекратить, поскольку еще немного – и он не сможет сдержать свои безумные желания. Он нехотя выпрямился, лаская жарким взором очертания ее прелестного изящного тела.

Отчего-то Ивану подумалось, что ему несказанно повезло, что тогда в темном лесу она нечаянно наткнулась на него, попросив о помощи. Ведь Иван прекрасно понимал, что, встретить он Катюшу, например, в одном из Петербургских салонов или на балу, она могла бы спокойно ускользнуть, даже не обратив на него внимания. Ибо с ее волшебной красотой и манкостью сирены вокруг нее точно бы вилась толпа поклонников, которые пели бы ей дифирамбы и сочиняли в ее честь стихи. А Иван никогда не был дамским угодником. Он не умел говорить комплименты дамам и уж тем более показно вздыхать. Он был открыт, прямолинеен, прост и, не смущаясь, говорил девицам об отсутствии симпатий к ним. Его откровения обычно приводили барышень в крайнее смущение, и в большинстве своем они обиженно заявляли ему, что он крайне невоспитан. Лишь однажды он подумал, что действительно влюблен, и признался в этом девушке, тогда ему было всего двадцать три. Но все закончилось довольно плачевно и грустно. Сейчас же Катюша остро нуждалась в его помощи, и Иван намеревался сделать все возможное и невозможное, чтобы это зависимое положение голубоглазой прелестницы при нем продолжалось как можно дольше.

Катя чуть приоткрыла веки и посмотрела перед собой. Лицо ее было повернуто в другую сторону, и Иван не мог видеть, что она не спит. Она знала, что он стоит у кровати и смотрит на нее. Это бывало уже не раз за последние две недели. Именно поэтому она отвернулась, как только почувствовала его присутствие рядом. А когда ощутила горячие губы на своей шее, нервно замерла, словно затравленный зверек. Катюша боялась показать ему, что не спит, а еще более опасалась того, что он не остановится на одном украденном украдкой поцелуе. Раньше Иван никогда не позволял себе целовать ее. А лишь подолгу рассматривал, стоя у изголовья кровати, думая, что она спит. Но сегодня он дерзнул прикоснуться, и Катюша поняла, что этот мужчина опасен для нее. Ранее она только подозревала, что нравится ему как девушка, но сегодняшней его дерзкий поцелуй доказал, что он жаждет настоять на своем интимном желании по отношению к ней. Он быстро прервал поцелуй, выпрямившись, но Катюша все равно чувствовала, как ее горло сковывал удушливый комок лишь от осознания того, что могло бы произойти далее, если бы вдруг Иван продолжил свои ласки.

Слезы заполнили глаза девушки, и она, поджав губы, напряженно размышляла о своем невыносимом положении. Одна русская пословица приходила ей на ум – из огня да в полымя. Если бы она только знала, когда убегала в дремучий лес от Франсуа Лавазье, что найдет здесь гораздо худшую муку, то подумала бы десять раз, прежде чем сделать это. Катюша прекрасно видела, что Иван неравнодушен к ней. Именно такой же горящий, ласкающий взор был и Фран-

суа. И из этого вышла жуткая история. К тому же во взгляде Ивана было что-то еще. Нечто дикое, необузданное, опасное, и это пугало Катю. Так как она отчетливо осознавала, что не сможет даже убежать от него, если он вдруг решит сделать ее своей любовницей. От бессилия что-либо изменить горькая слеза покатилась по щеке девушки.

Заслышав, что Иван отошел от нее и лег на свою узкую лавку, девушка немного расслабилась и попыталась уснуть.

Напряжение между молодыми людьми достигло апогея через пару дней. Вечером после ужина, как обычно по средам, топили баню. Когда около восьми Иван зашел в избушку, Катюша была уже готова. Она сидела на кровати в одной рубашке, с распущенной косой и босая, прижимая к себе чистую рубашку. Окинув ее цензорским взглядом, Иван буркнул:

– Пойдемте, все готово.

Он быстро снял с гвоздя большую меховую медвежью накидку и, захватив ее валеночки, приблизился к девушке. Катюша проворно натянула на ноги обувь и, сильнее прижав к себе чистую рубашку, подняла на него глаза, показывая, что готова. Иван обернул девушку в длинный мех, который полностью скрыл ее, и легко поднял на руки. У выхода он, остановившись лишь на миг, умело засунул ноги в валенки и вышел на мороз. Пройдя по узкому двору, он вошел в низкую баньку, толкнув ногой дубовую дверь. Здесь, в предбаннике, посадив ее на скамью, снял с девушки меховую накидку. Стащив с себя тулуп и валенки, он остался босиком на холодном деревянном полу. Повернувшись к Катюше, которая уже разулась, подошел к ней. Ухватив одной рукой за талию, а второй под ягодицы, Иван стремительно поднял ее с лавки. Девушка тихо охнула, оказавшись вертикально припечатанной к его широкой груди, невольно схватившись рукой за его широкую шею. Ее ноги не доставали до пола. Иван медленно направился в моечную, так же ногой толкнув дверь и вошел в маленькое помещение, освещенное лишь одной лучиной в углу.

Эта странное положение – когда он держал ее вертикально, сильно притискивая девушку к своему телу и держа руками за талию и ягодицы, – до крайности смутило Катюшу. Но она не смела даже возразить, ибо видела, что Иван смотрит на нее испепеляющим взглядом и лишь хмурится. Ее лицо было на уровне его лица. Он остановился посередине, уперев в нее властный взгляд.

– Позвольте мне попарить вас, – попросил он обволакивающим гортанным хриплым голосом. – Я наломал новых березовых веток. Вам понравится...

Последние его слова вызвали в душе девушки взволнованный нервный трепет. Она прекрасно поняла, что Иван вновь, как и все предыдущие дни, пытается настоять на своем желании попарить девушку, несмотря на ее нежелание. В его взгляде, темном, поглощающем, отчетливо читалось страстное диковатое выражение.

– Нет, – тихо, одними губами неуверенно произнесла она.

– Катюша, отчего же нет? – настойчиво выпалил он срывающимся от бешеного возбуждения голосом, не спуская взгляда с ее лица, желая найти в глазах девушки хоть немного ласки к себе. Иван ощущал, как изящное тело Катюши, которое сжимали его руки, невозможно нежно и упруго. Эта интимная поза, когда она полностью была прижата к его торсу, а ее чудесные близкие озера глаз возбуждали, до крайности накаляла все его страстные помыслы. Ее сладкий запах, неповторимый и волнующий, немного усилившийся оттого, что она мылась в бане три дня назад, вызывал в его существе жгучее возбуждение. Желание, которое Иван сдерживал в себе уже почти два месяца подряд, просто снесло его. Он сильнее сжал узкую талию Катюши правой рукой, чувствуя, что его тело словно горит. Его левая рука начала дерзко ласкать через тонкую ткань сорочки упругие ягодицы девушки, поглаживая их и чуть сжимая. Приблизив вплотную свои губы к ее губам, он низким баритоном прохрипел: – Вы что, боитесь меня? Обещаю, что не буду прикасаться к вам. Я только веником...

Он сам почти поверил своим словам. Все его существо жаждало хотя бы полюбоваться на совершенное обнаженное тело этой прелестницы, и он был готов до последнего держать себя в узде, лишь бы только насладиться созерцанием ее красоты.

Катюша не поверила ни единому его слову. Она чувствовала, что он пытается лишь усыпить ее бдительность, а потом добиться от нее большего, так как даже теперь его горячая ладонь нагло стискивала и ласкала пальцами ее ягодицы. Как же в эту секунду она хотела надавать ему пощечин за его дерзкое поведение, жаждала оттолкнуть, мечтала вырваться из его жадных объятий и убежать отсюда, чтобы более никогда не зависеть от воли этого человека. Но она не могла. Она опасалась этого мужчину. Ибо он, разозлившись, мог выкинуть что-нибудь ужасное, и она прекрасно чувствовала это. Ведь не раз девушка замечала, что, когда происходило нечто против его воли и желания, Иван впадал в агрессивное недовольное состояние. Катюша сглотнула ком в горле и осторожно попыталась немного отстранить свое лицо от его лица, чуть отвернув его в сторону.

– Прошу, опустите меня на скамью, Иван Алексеевич, – взмолилась она не в силах более выносить его близость. – Я буду париться одна.

Она отчетливо отметила, как его руки замерли и напряглись. Быстро достигнув скамьи, он почти бросил девушку на деревянную лавку. Катюша больно плюхнулась на нее ягодицами. Невольно подняв на него глаза, она увидела, что он разозлился и, поджав губы, окатил ее темным угрожающим взглядом.

Сжав кулак, Иван заставил себя выйти из моечной, сильно хлопнув тяжелой дверью. Однако вовсе выйти из баньки он не смог. Босой, в штанах и в простой выпущенной рубашке, он остался стоять в прохладном предбаннике. Прислонившись мощным плечом к двери, он, скрестив руки на груди, начал прислушиваться к тому, что происходило в моечной и парилке.

Спустя четверть часа он услышал, как полилась вода, и понял, что Катюша, видимо, посидев в парилке, начала мыться. Вмиг представив в своих возбужденных мыслях картину, как девушка намыливает мочалом из соломы свое белое тело, Иван задрожал от бешеного возбуждения. Жгучее навязчивое желание войти теперь в моечную овладело им. Яростно стиснув ладонью ручку двери, он до боли сжал скулы, пытаясь удержать себя от поступка, о котором бы потом сожалел. Он понимал – Катюша слишком невинна и чиста, чтобы он вел себя с ней подобным развязным образом, но его жаркие, полные вождения помыслы не давали ему расслабиться даже на минуту.

Глава VII. Дерзкий

В какой-то момент он услышал, что она перестала лить воду. Уже через миг словно что-то надорвалось в нем, и Иван быстро схватил свой тулуп. Накинул его на плечи, не застегивая, подхватил медвежью накидку и рванул дверь. Почти влетев в моечную, он впился алчным взором в стройную белую фигурку девушки. Она сидела на скамье, лицом к нему, обнаженная, и, подняв руки вверх, пыталась закрутить в пучок влажные длинные пряди волос. От его неожиданного появления Катюша испуганно ахнула. Она стремительно скрестила руки на груди и стиснула ноги сильнее вместе, пытаясь прикрыть от его горящего взгляда свои нежные девичьи округлости и промежность с небольшим темным треугольником волос. Ее волосы рассыпались по плечам мокрыми темными прядями. Иван видел, что чистая рубашка лежит на противоположной лавке.

– Я еще не закончила, – промямлила она испуганно, устремив на его мрачное бородатое лицо нервный взор.

– А я уже устал ждать, пока вы тут намоетесь! – выпалил он зло.

Поспешно схватив ее чистую рубашку, он сделал к ней шаг. Катюша была вынуждена отцепить одну руку от груди и выхватить из его руки рубашку. Он стремительно прижала ткань к своему обнаженному телу и взмолилась:

– Вы бы могли выйти?

– Нет, не мог бы, – процедил он с вызовом, внаглую уставившись на нее.

Катюша, бледная от стыда, с пунцовыми горящими щеками, затравленно посмотрела на его высокую фигуру, которая находилась так близко от нее, что ей стало не по себе. Она видела, что его темные глаза неотрывно скользят по ее лицу, на девичью грудь и вниз, на ее ноги. Выражение его лица показалось девушке дерзким и страстным. Поняв, что ей лучше одеться быстрее и скрыть свои прелести от его жгучего взора, она быстро развернула рубашку и, накинув ее на голову, проворно начала надевать ее на влажное тело, стараясь даже не думать о том, что ее подрагивающая влажная грудь очень хорошо видна ему.

Когда она закончила, Иван накинул на нее медвежью накидку, полностью укрыв ее с головы до ног. Легко подняв девушку на руки, он направился прочь из баньки. Едва он вышел на снег и сделал пару шагов, как ощутил, что ногам невозможно холодно. Он на миг остановился и, кинув взор вниз, увидел, что, пребывая в своем лихорадочном состоянии, впопыхах забыл надеть валенки и теперь стоял на снегу босой. Но сильнее нахмурившись, Иван продолжал дальше к избе прямо босиком, лишь сильнее сжав скулы. Катюша, тоже заметив, что он босой, решила промолчать, видя, что от него просто исходят волны ярости.

Внутри у Ивана все клокотало от негодования и испепеляющего вожделения, но эта девица, видимо, специально не хотела видеть его страстного желания. И он уже в сених, не выдержав, прошипел ей прямо в лицо:

– Вы зря ведете себя так, Катерина Васильевна.

Он вошел в избушку и быстро посадил девушку на кровать. Забрав накидку, Иван вылетел прочь из избы. Катя облегченно вздохнула после его ухода, думая, что на сегодня ее мучения окончились. И она сможет, наконец, избавиться от его настойчивого внимания. Он вернулся спустя четверть часа, принес ее валеночки. Едва войдя в избушку, недовольно окатил ее взглядом. Но девушка, которая уже почти насухо вытерла волосы, сидела, наполовину укрытая одеялом, в ночной сорочке, отметила, что его лицо стало немного спокойнее. Он разделся, помыл руки и, взяв баночку с мазью, подошел к ней. По-свойски усевшись на постель рядом с Катюшей, он властно заявил:

– Уберите одеяло. Я разотру ваши ноги.

– Не думаю, что сегодня стоит это делать, – пролепетала неуверенно Катюша, не желая переносить еще одну мучительную интимную процедуру с его участием. – Вы устали. Вам надо отдохнуть.

– Я совсем не устал, – тут же парировал он

Его рука сама стремительно откинула с ее ножек одеяло. Катюша увидела непреклонность на его лице. Он позволил ему растирать свои ноги следующие четверть часа. Уже в конце этого действия Катюша отметила, что его дыхание стало прерывистым. Когда закончил, он поставил баночку с мазью на деревянную лавку, стоящую рядом.

– Благодарю, – прошептала Катя, искренне надеясь на то, что он наконец оставит ее в покое, и она сможет лечь спать.

Но Иван не встал с постели. А сильнее придвинулся к девушке, и его бедро уперлось в ее ноги. Она невольно подняла на него взор и опешила от его испепеляющего темного пламени, которое лилось из его глаз. Его широкая ладонь стремительно легла на коленку Катюши, и сильные пальцы начали ласкать ее ногу, постепенно перемещаясь все выше. Она сжалась и опустила смущенно взор, подавляя в себе неистовое желание закричать, чтобы он немедленно прекратил. Когда же он через несколько мгновений сильнее придвинулся к ней, и его дерзкая ладонь уже оказалась на внутренней стороне ее бедра, Катюша, не выдержав этого молчаливого домогательства, нервно скинула его руку со своей ноги и выпалила:

– Не надо так, Иван Алексеевич.

Она отметила, как его ладонь сжалась в кулак, и он сильнее склонился к ней. Его горячее дыхание уже опаляло ее лоб.

– Вы могли бы звать меня просто по имени, – глухо, бархатным завораживающим баритоном вымолвил он. Она невольно подняла на него глаза и тут же утонула в темно-зеленом поглощающем взгляде. Замерев, Катюша явственно осознала, что он хочет ее поцеловать. Он проникновенно выдохнул: – Вы такая красивая. Я никогда не встречал девушку, подобную вам.

В следующий миг рука Ивана стремительно переместилась на ее талию, и губы уже склонились к ее губам. Катюша попыталась отстраниться от него, испугавшись мощной страстной силы его взора, в котором горела тьма. Она уперлась кулачками в его грудь, но он сильнее обхватил ее талию руками и резко привлек девушку к себе. Катя ахнула, подняв на него испуганные глаза. Немедля Иван властно захватил в плен ее губы, навязывая ей горячий поцелуй. Испугавшись его напора, Катюша начала отчаянно вырываться из его железных объятий. Почувствовав ее сопротивление, он напрягся и замер. В который раз за сегодня заставив свои чувства подчиниться разуму, Иван медленно нехотя убрал руки с ее стана. Катюша сразу же отползла от него к бревенчатой стене и замерла в напряженной позе. Тяжело дыша, девушка обхватила согнутые колени руками, пытаясь успокоиться и не поддаться панике.

Иван не сдвинулся с места. Лишь его взгляд – яростный, недовольный и испепеляющий, направленный прямо в ее лицо, – был так красноречив и опасен, что она похолодела до испуга.

– Почему вы так холодны со мной? – медленно произнес он, растягивая каждое слово. Катя молчала и лишь сильнее сжимала пальцы, которыми яростно вцепились в колени. – Я спас вас. День и ночь забочусь о вас, – продолжал он. Голос его начал грубеть и стал уже более жестким. – Неужели я не заслужил хотя бы немного вашей благодарности и ласки?

Вот. Вот те слова, которых безумно боялась Катюша. Она все прекрасно чувствовала, но делала вид, что не понимает его намеков. Но сейчас он сказал открыто, что ждет от нее удовлетворения своих гнусных желаний. Катя вмиг ощутила себя такой несчастной, одинокой и беспомощной, что ей захотелось заплакать. Страдальчески глядя в его хмурое лицо, она тревожно искала выход из этого капкана.

Дикое желание снедало Ивана. Он до сих пор ощущал на губах вкус ее сладкого рта. В его висках бешено стучала кровь, а в горячей голове рождалась только одна мысль: «Она в моей

власти». Он прекрасно понимал, что может взять девушку силой. Но остатки благородства все еще были в его сердце, удерживая от гнусных поступков.

Катюше вдруг пришла в голову спасительная мысль, и она прошептала:

– Прошу вас, помогите мне добраться до Петербурга. Там живет моя тетка. И вам более не надобно будет беспокоиться обо мне.

В этот миг Катюша отчетливо осознала, что ей немедленно надо покинуть это глухое место, поскольку оставаться здесь, в дремучей чаще, с этим непредсказуемым человеком было опасно. Ведь того, чего он хотел добиться от нее, она не могла ему дать. Она чувствовала, что их дальнейшее совместное существование могло окончиться трагично для них обоих.

Лицо Ивана превратилось в камень, а на скулах его заходили желваки.

– К какой еще тетке? Вы мне ничего не рассказывали о ней! – процедил он.

– Она родная сестра моей покойной матушки, – объяснила дрожащим голосом Катюша. – Муж ее – Нелидов Петр Иванович. Их дом на Малой Мещанской улице, недалеко от Фонарного переулка.

Иван застыл от ее слов и весь напрягся.

– Я уже говорил вам, что никуда не понесу вас! С чего вы взяли, что я изменил свое мнение? – отчеканил он, пожирая ее разъяренным взглядом темных глаз.

– Прошу вас, – взмолилась девушка из последних сил. – Петр Иванович заплатит вам, сколько попросите, за ваши труды, – пояснила она, взволнованно взирая на него голубыми печальными очами.

Он тут же надвинулся на нее. Катюша в испуге решила, что сейчас он кинется на нее. На его лице было написано такое бешенство и желание, что она замерла, как жертва перед хищником. Иван склонился над нею и, приблизив свое бородатое лицо вплотную к ее бледному лицу с огромными испуганными глазами, прохрипел:

– Вы упрямая девица! А вы знаете, что я могу сделать с вами все что захочу? Ибо вы в моей власти теперь!

Катюша судорожно сглотнула, и вся сжалась. На миг представив картину насилия, она смертельно похолодела. Его наглые слова прозвучали так самоуверенно и жестко, что девушка ощутила, что именно это он и собирается с ней сделать.

Как же Иван хотел сорвать с нее эту белую рубашку и зацеловать до потери сознания. А потом ласкать, тискать и мять ее юное, прелестное тело столько, сколько бы захотел. Но он видел, что Катюша напугана и, словно затравленный зверек, пытается убежать от него. И это обстоятельство не только не остужало его пыл, а еще сильнее разжигало в нем плотские желания. Он стремительно схватил ладонью ее плечико и властно сжал хрупкую плоть почти до боли.

В ушах Катюши зашумело от жуткого испуга, и она, лихорадочным болезненным взором смотря прямо в его горящие, как угли, глаза, заплакала. Увидев прозрачные крупные слезы, которые полились по ее лицу, Иван почувствовал, как он омерзителен и противен себе. Эта прелестница, один вид которой сводил его с ума, боялась его. Он это отчетливо видел, испуганное выражение застыло в ее огромных невинных очах. А он словно одержимый пытался настоять на своем и получить от нее ответное чувство, которого она, видимо, не могла дать ему.

– Не надо, прошу вас, – прошептала Катюша так несчастно, что Иван, как ошпаренный, отпрянул от нее, вскочив на ноги и сыпля проклятиями.

Он начал, как дикий зверь, метаться по избышке из угла в угол, делая вид, что якобы что-то ищет. Обида, бешенство и неумное вожделение смешались в его душе, и он почти обезумел от своих чувств и помыслов. Он хотел лишь одного, наказать ее, унижить так же, как она унижала и пренебрегала им.

Катюша, сквозь пелену слез наблюдала за этим высоким, здоровенным мужчиной, который, казалось, сейчас взорвется от ярости и злобы, и, дрожа всем телом, продолжала неподвижно сидеть на кровати.

Иван начал вдруг суетиться и куда-то собираться. Достав легкую дорожную сумку, он положил в нее порох, хлеб и огниво. Быстро натянув теплые штаны и валенки, он схватил медвежью накидку и перебросил через плечо ружье. Катя наблюдала за ним, не понимая, куда он собрался с ружьем на ночь глядя. Нахлобучив на взъерошенные волосы шапку, Иван кинул последний злой отчаянный взгляд на девушку, которая испуганно смотрела на него, и стремительно вышел на улицу.

Санкт-Петербургская губерния, Шлиссельбургский уезд,
усадьба Мурино, 1759 год, 06 января

Мария, кутаясь в теплую соболью шубку, быстро спустилась по заснеженным ступенькам к садовому домику. Четверть часа назад она увидела со второго этажа усадебного дома, что окна домика в саду затянуты темными шторами. Это был сигнал, которого она ожидала уже более двух недель. Мороз стоял лютый, и девушка, засунув руки в муфточку, почти бегом преодолела небольшое расстояние до маленького деревянного дома. Зайдя в покрытую мраком комнату, она напрягла зрение.

– Сестрица, я здесь, – услышала Мария глухой низкий голос сбоку от себя. Она резко повернулась и различила в темноте высокую, плечистую фигуру.

– Ваня! – воскликнула она. – Ну, наконец-то. Мы ждали тебя к Рождеству. Михаил Илларионович гостил у нас почитай две недели. Тебя дожидался! Вчера только в Петербург вернулся. Отчего ты так запоздал?!

Иван молчал, лишь неотрывно смотрел на девушку, черты лица которой плохо различались в темноте заброшенного домика.

– С тобой все хорошо? – спросила напряжено Мария.

– Да. Мне надо помыться и переговорить с тобой, Маша, – ответил Иван.

– Скоро стемнеет. Приходи с заднего входа сразу ко мне в спальню. Ульяна откроет тебе.

– Договорились, – сказал тихо Иван, и Мария, преодолев в себе желание броситься в объятия брата, вновь засунула руки в муфточку, быстро покинув холодный садовый домик.

Иван тяжело вздохнул и вновь сел на старый сундук у стены. Он невероятно устал за долгие три дня, что провел в лесу, после того как стремительно покинул лесную избушку. Первые несколько часов он, как безумный, скитался по лесу на снегоступах, почти не видя ничего перед собой от обуявшей его ярости. Холодность Кати, ее попытки избежать его прикосновений до крайности взбесили Ивана.

Вот уже семь лет он вел размеренную отшельническую жизнь, приобретая странные привычки. Но теперь, с появлением темноволосой красавицы в его избушке, начал замечать, что его привычный уклад жизни начал стремительно меняться. Раньше он мог сутками пропадать на охоте, наслаждаясь поисками дичи, и получал от этого истинное удовольствие. Он мог совсем не расчесывать волосы, которые, словно густая грязная грива, спадали на плечи, делая его похожим на дикаря. Мог неделями не ходить в баню, ибо ему казалось, что незачем часто мыться. Мог питаться одним сухим хлебом и луком. И вовсе не прибирать в избушке. Все это устраивало Ивана, и его жизнь казалась ему вполне приемлемой.

В сию пору он старался вернуться с охоты быстрее и редко когда задерживался в лесу дольше полудня. Он приучил себя регулярно ходить в баню, расчесывать волосы, собирая их назад в хвост, чистить ногти и менять грязную одежду. Вначале он старался готовить еду получше, чтобы накормить больную девушку, а вскоре она сама стала хлопотать у печки и стряпала очень вкусно.

Иван уже не понимал, как раньше существовал без этой хрупкой девушки? И теперь не представлял своей жизни без нее. Постоянное присутствие Катюши рядом наполнило его существование глубоким неведомым доселе смыслом. И сейчас он безумно боялся того, что Катюша покинет его жилище. И тогда его жизнь не станет прежней. Ведь познав однажды радость общения с этой прелестницей, не так просто было бы потом научиться вновь жить без нее. Раньше даже в воображении Иван не мог представить себе, что будет настолько сильно зависеть от какой бы то ни было девицы, от ее настроения или поступков. Но теперь он точно знал, что Катюша была необходима ему, для того чтобы чувствовать себя счастливым. Часто, лежа бессонными ночами на своей жесткой лавке без сна, он мечтал, как они с Катюшей вскоре обвенчаются в одной из деревенских церквей и проживут общим домом. Сначала, возможно, в той же избушке в лесу, а затем и на людях, переехав в свой дом.

Однако он понимал, что перед этим надо непременно все обсудить с дядей. И уж после этого они с Катей смогут открыто жить в имении с сестрой или в Петербурге. К тому же он должен был открыть свое настоящее имя девушке и получить ее согласие на брак. Но именно в этом и заключалась главная проблема Ивана. Это травило день и ночь его душу. Катюша совсем не хотела проникаться к нему трепетными любовными чувствами и постоянно пыталась избегать даже малейших его прикосновений. В своем сердце Иван уже давно назвал Катюшу своей нареченной и теперь жаждал только одного, чтобы как можно скорее она тоже полюбила его. Отступать Иван не собирался и постоянно размышлял, как еще привлечь девушку, дабы она посмотрела на него хоть немного приветливее.

Ту злополучную ночь, когда ушел в ночь, он провел на морозе, укрывшись под густыми елями и разведя костер. В последующие два дня он прошел на снегоступах десятки верст, не желая возвращаться в избушку, тем самым решив наказать непокорную девушку. Раз она не хочет его близости, так пусть попробует обойтись без него, думал он злорадно. Во вторую ночь его запал немного поутих, и мысли Ивана приняли более спокойное направление. Он вновь начал лихорадочно размышлять, как добиться расположения Кати. Под утро, почти не сомкнув глаз, он нашел решение, и оно показалось ему довольно хорошим. Вдыхая морозный утренний воздух, он направился по знакомым заснеженным лесным тропам в сторону Финского залива.

Уже стемнело, когда Иван вошел в светлую комнату Марии. Едва он переступил порог спальни, как девушка в белом парчовом платье бросилась к нему на шею.

– Я так скучала, братец, – воскликнула Маша, а затем, немного отстранившись от высокой фигуры брата, продолжила: – Тебе и впрямь стоит помыться! Ты пахнешь костром и еловой смолой.

Мария была младшей сестрой Ивана. Старая дева, двадцати семи лет, она всю свою сознательную жизнь провела в загородном имении родителей. Фигура девушки была суховата, а лицо имело бледный невзрачный вид. Маленькие, глубоко посаженные глаза ее были блеклыми, ресницы светлыми. Большой с горбинкой нос, узкие губы и угловатые черты лица совсем не украшали ее облик. Она обладала вялым темпераментом и невероятно стеснялась чужих незнакомых людей. Еще в шестнадцать лет Мария впервые попала в Петербургский свет. Но столичные красавицы настолько затмили своими яркими прелестями некрасивую Машу, что девушке за весь сезон не сделали ни одного достойного внимания предложения о замужестве. На следующий год повторилась та же история. Женихи к ней не сватались. Опечалившись, Маша осознала, что замужество не ее удел. Она скрылась в деревенском имении отца и безвылазно жила здесь, совершенно не бывая в обществе.

Иван медленно прошел в комнату и уселся на темное синее кресло, обитое шелком.

– Если можно, сестрица, я бы хотел побриться, – сказал он тихо, потрогав густую поросль на лице.

Спустя пару часов, после ванны, разбуженный, чистый молодой человек стоял у зеркала и критически осматривал свою новую внешность. Гладко выбритое лицо его с чистыми

волосами, забранными в тугой хвост на шее, было мужественно и привлекательно, с высокими скулами и красиво очерченными губами. Мария подошла к нему и, заглянув так же в его отражение, по-доброму улыбнулась брату и заметила:

– Я и забыла, какой ты красавец!

Иван внимательно посмотрел на сестру и спросил:

– Скажи, Маша, если бы я не был твоим братом, ты смогла бы влюбиться в меня?

– Еще бы! – воскликнула она, не раздумывая, и печально добавила: – Только такой статный эффектный молодой человек, как ты, даже не посмотрел бы в мою сторону.

– Неужели? – недоверчиво усмехнулся Иван.

Мария заметила в его глазах странный огонек, которого раньше никогда не видела.

– Ты изменился с последнего раза, как мы виделись. Что-то произошло?

Под пытливым взглядом сестры Иван смутился и, быстро отвернувшись от зеркала, выпалил:

– Прошу, дай мне небольшое зеркало, чтобы я мог бриться у себя.

– Неужели хочешь зверям понравиться? – удивилась Мария.

– Если тебе жаль для брата зеркала, так и скажи! – обиженно буркнул он.

– Дело не в этом, – нахмурилась Мария, внимательно вглядываясь в его большие темно-зеленые лучистые глаза. – Я вижу, что ты изменился. Почти семь долгих лет ты жил нелюдимом и не вылезал из своей избушки.

– Ты знаешь, я не мог поступить иначе.

– Знаю. Но все эти годы ты жил как простой мужик, в глухой чаще, и даже не помышлял побриться. Отчего теперь ты решил привести себя в порядок? Не понимаю. Я помню, каким ты был раньше, до всех тех событий, – она помолчала и, с любовью глядя на Ивана, добавила: – Я слишком хорошо знаю тебя, братец. И отчего-то мне кажется, что здесь замешана женщина. Но ведь в лесу не водятся женщины. Только зверье. Ведь так?

– Так. Я знаю, что ты больно умна, Маша, но твои догадки неверны. Знаешь, я просто устал от своего дикарского вида, потому и решил немного облагородить себя. К тому же я очень голоден, а ты словно пытаешь меня.

– Извини, братец, сейчас!

Мария выскочила из спальни, подхватив длинные юбки.

Иван бросил взгляд на туалетный столик сестры и заметил густую щетку для волос. Затем, немного ползав, он нашел там же духи с приятным запахом и небольшую коробочку с пудрой. Всем этим он пополнил свою суму и к приходу Марии как ни в чем не бывало уселся вновь в кресло.

– Все уже спят. Нашла только уху да курник, – пояснила девушка, ставя на небольшой столик у окна поднос с едой.

Иван присел на предложенный стул и с аппетитом принялся за еду. Сестра с любовью смотрела на брата и спустя некоторое время спросила:

– Ты еще не надумал вернуться в столицу? Дядя говорит, что там вполне безопасно и буря улеглась.

На эти слова сестры Иван подавился и сильно закашлялся. Мария начала стучать его ладонью по широкой спине.

– Пока нет, Маша, – ответил он глухо. – Возможно, вскоре я и решусь на это. Но не теперь, – добавил он, мгновенно представив образ темноволосой девушки в своей постели. И думая о том, что, пока Катюша находится в его избушке в чаще леса, у него есть время завоевать ее и сделать своей. И лишь потом, после того как она полюбит его и станет его возлюбленной, он постарается устроить их жизнь наилучшим образом, может быть, в столице. Но никак не раньше. Ибо он дико боялся того, что если Катюше вдруг удастся выбраться из его избушки раньше, то она вполне может ускользнуть из его рук. Поэтому единственной дорогой на свободу

для Катюши было полное подчинение ему, как душевное, так и телесное. – Моя жизнь меня вполне утраивает.

– Дело твое, – пожала плечами Маша. – Я тебе новую одежду приготовила. Может, денег возьмешь?

– Нет. Я же тебе объяснял, что не могу появиться в деревне с деньгами. Это вызовет подозрения. Откуда у бедного нелюдима золото?

– Но, Ванюша, я знаю, как тебе тяжело жить лишь охотой.

– Я уже привык, милая сестрица, – пожал плечами молодой человек. – Тем более простой охотник, обменивающий шкуры зверей на еду, более реалистичен и понятен простому люду, нежели тайный богач. Хорошо если только разбойники нагрянут в мое жилище в поисках наживы. А если о странном отшельнике, сорящем деньгами, доложат властям? Я думаю, Тайная Канцелярия вмиг заинтересуется моей персоной.

– Но дядя сказывал, что теперь в столице вполне безопасно. И о тебе позабыли.

– Надеюсь на то.

Мария подняла руку и ласково погладила брата по мощному плечу.

– Как бы я хотела, чтобы ты стал прежним. Вернулся в Петербург и жил как подобает при твоём положении.

Иван мрачно взглянул на сестру.

– Может быть, так и будет когда-нибудь. Мне пора, Маша, я и так у тебя полночи сижу, – произнес Иван как-то отстраненно.

– Опять в ночь пойдешь? – с тревогой спросила Мария.

– Да, что такого? – безразлично заявил Иван, закончив трапезу и переодеваясь в чистые одежды, поданные сестрой. – Я людей опасаюсь более, нежели лесных зверей. Порой медведя понять гораздо легче, чем человека.

Глава VIII. Печальница

Далекий вой волка наполнил глухим звуком тишину чащи. Катюша, вновь судорожно сжав вязание в тонких руках, затравленно обернулась к двери. Дикие звуки темного леса, которые все предыдущие дни и ночи наводили на девушку животный страх, снова заставили ее задрожать. Катя посмотрела на зажженную свечу, отметив, что остался лишь небольшой огарок и вот-вот спасительный свет исчезнет. Уже светало. Вой затих. И девушка, горько несчастно выдохнув, продолжила вязать, ощущая, что ее голова гудит от бессонной ночи. Все эти дни Катя пребывала нервном изматывающем состоянии. Она чувствовала себя беззащитной в этой заброшенной избушке и дико боялась обитателей лесной чащи.

Три дня назад, едва за Иваном захлопнулась дубовая дверь, девушка первые часы пребывая в нервном состоянии после их перепалки, неистово ждала его возвращения. Однако он так и не вернулся. До самого утра не сомкнув глаз, Катюша просидела на постели, напряженно глядя на закрытую дверь. Уже на рассвете ее посетила мысль о том, что, возможно, Иван не хочет возвращаться и теперь она осталась совсем одна в этой заброшенной избушке. Не на шутку испугавшись, Катюша попыталась успокоиться. И поначалу даже храбрилась, пыталась внушить себе, что и сама сможет о себе позаботиться, и Иван ей совершенно не нужен. Но уже к вечеру первого дня, когда солнце вновь спустилось за холодный лес, страх начал постепенно завладевать ею. Катя поняла, что завывания ветра за окном и одинокий вой волка вызывают у нее страх и тревогу. Еще ни разу она не оставалась так надолго одна в этом маленьком жилище, да еще и на ночь. Постоянное присутствие Ивана рядом успокаивало девушку и давало чувство защищенности от этого дикого непонятного лесного мира. Но в ту вторую ночь опять в одиночестве она от страха не могла сомкнуть глаз. Наутро, слезая с постели, она почти заставила себя одеться, умыться и поесть, а затем вновь прилегла на постель и немного вздремнула.

К обеду, немного набравшись сил от кратковременного сна, Катюша, измученная своими переживаниями и страхами, лихорадочно приняла решение немедленно покинуть эту убогую избушку. Надев лисью шубку и шапку, она на коленках, обутом в длинные лапти, проворно доковыляла до двери. Приложив немалые силы, она открыла дубовую дверь и вышла наружу. Свежий морозный воздух ударил ей в лицо, и Катя зажмурилась от ослепительного солнца, которое высоко стояло над верхушками деревьев. Белый икрящийся снег, покрывал все от неба до земли и только зеленые мохнатые ветки вековых сосен чуть проглядывали сквозь толстый слой белого покрывала. Катя была полна решимости и заставила себя сделать несколько шагов вперед. Пройдя на коленях небольшой утоптаный двор, она устремила к тропе, которая вела в лес.

Тропа была хорошо утоптана снегоступами Ивана, и девушка направилась по ней. Однако уже через несколько шагов она нечаянно чуть сместилась и тут же провалилась в глубокий сугроб по самый пояс. Почти четверть часа Катюша пыталась выбраться из ледяного капкана, но это ей удалось сделать с большими усилиями. Замерзшая, мокрая и заплаканная Катюша вползла обратно в избушку, ругая Ивана. Девушка отчетливо осознала, что он оставил ее одну специально, чтобы она поняла, что не может обойтись без него. Если бы она была здорова, она смогла бы уйти, но он прекрасно понимал, что с больными ногами ей не покинуть это заброшенное место. В тот момент, когда она стягивала с себя застывшую на морозе мокрую одежду, Катя осыпала Ивана возможными неприятными словами, которые только знала. Она с трудом стянула с себя мокрую рубаху и переделалась в сухой сарафан и теплые вязаные чулки. Затем попив воды и немного упокоившись, вновь начала храбриться, говоря себе:

– Ладно, я не могу уйти, но заботиться о себе могу прекрасно и сама. Я еще докажу этому невозможному человеку, что не беспомощна.

Катя решила растопить печку, ибо в избушке стало уже довольно холодно. Она нашла на приступке дрова и разожгла огонь, озабоченно отметив, что дров не осталось и в следующий раз надо будет идти за ними на двор. Сварив кашу и набравшись сил после еды, девушка села ближе к печке и стала напряженно смотреть на прыгающие огоньки. Спустя полчаса она поймала себя на том, что невольно прислушивается к звукам за дверью, надеясь различить скрип снегоступов. Вновь рассердившись на Ивана и на его поступки по отношению к ней, Катя недовольно вернулась на постель и решила немного повязать. Еще две недели назад Иван привез ей из деревни моток шерсти да деревянные спицы, и Катя с удовольствием по вечерам вязала. Но сейчас всегда умелые пальцы не слушались девушку, и она то и дело нечаянно спускала петли. Нервы ее были напряжены до предела, но она заставляла себя не думать о том, что находится совершенно одна в глухом опасном лесу. Однако одна неотвязная мысль то и дело возникала у нее в голове, о том, что Иван радуется ее неспособности и не собирается скоро возвращаться. Однако усилием воли она прогоняла это тревожное заключение из своих гнетущих мрачных дум и пыталась сосредоточиться на вязании.

К вечеру Катюша зажгла свечу и, сев рядом с ней, печально смотрела на горящее пламя, отчетливо слыша сильный зловеющий ветер за дверью. Когда же на зимний лес спустилась ночь, Катя уже горько плакала, решив, что Иван не вернется вообще. Ей постоянно чудилось, что около дома бродят медведи и волки, которые только и ждут, как бы наброситься на нее и съесть. Она несколько раз проверяла засов, который Иван умело открывал одним движением тонкой палки. Но девушке он казался ненадежной защитной от хищников.

Проплакав почти до полуночи, Катя, устало опершись на подушку, заснула тревожным сном. Ей снилось, будто кровожадные дикие люди, похожие на тех, что растерзали ее родителей, подбираются к избушке Ивана, врываются в нее, и она в ужасе видит, что это мужики с волчьими головами и оскаленными зубами. В тот миг глубокой ночью Катюша, закричав от ужаса, проснулась и резко села на постели. Ее ошалевший взор пробежался по пустынной деревянной избе, освещенной лишь мерцающей свечой. Так и не раздеваясь, она лежала на белой шкуре из домашней козы, которая служила покрывалом на постель, и всю ночь пыталась заснуть. Но сон приходил к ней урывками, постоянно окрашенный кровавыми кошмарами.

Следующий день прошел как и предыдущий, лишь с той разницей, что Катя начала нервно думать о том, что с Иваном что-то случилось. Вдруг его растерзали звери, или он замерз насмерть? И теперь уже никто не поможет ей, и она обречена на голодную смерть. Хотя девушка старалась отвлечься, горькие слезы постоянно катились из ее глаз. В ее душе начало появляться еще одно чувство, чувство сожаления. Она сожалела о том, что обидела Ивана. Даже его поцелуй, украденный насильно, не казался девушке таким уж дерзким и гадким. И если бы это произошло сейчас, возможно, она бы не была так холодна с ним и просто попыталась бы объяснить по-хорошему, не раздражая его. Если бы он только вернулся. Она бы попыталась понять и его чувства, а не думать только о себе. Она бы постаралась быть с ним помягче и хотя бы выслушать его. В эти долгие часы одиночества Катя поняла, что, пока она зависит от этого человека, должна играть по его правилам, иначе ее жизнь будет невыносима.

Третья ночь прошла так же, как и первая. И девушка, почти не смыкая глаз, забывалась тревожной дремой лишь на несколько часов. Около четырех утра ее разбудил протяжный вой лесного хищника, и Катюша, более не в силах лежать в постели, оделась и, сев на кровати, решила повязать, чтобы хоть немного успокоиться. Чуть позже она распустила косы, желая переплести их. Именно в этот момент снаружи послышался шум, и Катя испуганно напряглась, вытянувшись всем телом, словно тетива, и напряженным взглядом уставилась на дверь. Она отчетливо услышала знакомые тяжелые шаги в сенях. Когда через мгновение дверь распахнулась и на пороге возникла знакомая высокая широкоплечая фигура отшельника, Катюша искренне обрадовалась его приходу. Иван прошел внутрь избы и окинул ее цепким пронзительным взглядом.

– Я так рада, что вы вернулись, – прошептала напряженно Катя, ощущая в душе ликование от его появления.

В тишине избушки ее слова прозвучали довольно громко.

Иван быстро стянул шапку и бросил ее на сундук, стоящий неподалеку от входа. Не раздеваясь, он проворно приблизился к сидящей на постели девушке. Его глаза с дикой радостью пробежались по ее густым темным распущенным волосам, бледному влажному от слез лицу и сверкающим голубым глазам.

– Вам было плохо без меня? – спросил он ехидно.

Все радостные приветливые слова, которые Катюша готовила в течение последних суток в его адрес, тотчас испарились из ее головы. Ах, он еще издевается? Он прекрасно знал, что она не может обходиться без него, и специально наказал ее своим трехдневным отсутствием, а теперь еще и подтрунивает над ней. Катя опустила глаза на свои дрожащие руки, пытаясь сдержаться и не ответить ему грубо, смертельно боясь, что он снова уйдет.

– У меня все хорошо. Я просто плохо спала ночь, – промямлила она.

Он наклонился над ней и, осторожно пальцами приподняв ее подбородок, заставил посмотреть на себя.

– Следы от слез отчетливо заметны на вашем лице, – произнес он твердо и глухо. – Я же знаю, что вам было плохо без меня. Отчего же вы не признаете это?

Его глаза жгли ее темным светом, и Катя до крайности смутилась.

Именно в этот миг она невольно отметила, что Иван изменился. Его облик стал другим. Густая темная борода и усы исчезли, открыв довольное приятное лицо. Твердые высокие скулы, волевой подбородок, прямой нос и красиво очерченные, чуть полноватые губы делали его лицо мужественным и притягательным. Его густые русые волосы, собранные в хвост, довершали его новый образ. Даже пахло от Ивана как-то приятно и свежо. Катя долго смотрела прямо в его обновленное напряженное лицо и думала, сколько же ему на самом деле лет? В первые дни знакомства Иван показался ей зрелым пожившим человеком. Позже, присмотревшись к нему внимательнее, девушка отметила, что его глаза достаточно молоды, и решила, что ему не более сорока лет. Сейчас же она с удивлением заключила, что ошиблась, и ему нельзя было дать более тридцати. Борода и усы явно портили, старя его лицо и скрывая четкие правильные мужественные черты. Его зеленые глаза в сочетании с темными бровями и более светлыми прядями волос сейчас выглядели выразительно, что не замечалось девушкой ранее.

Иван видел, что Катюша с нескрываемым интересом рассматривает его, и его существо наполнилось невероятной нежностью к этой темноволосой прелестнице.

– Так лучше? – спросил он бархатным обволакивающим баритоном и улыбнулся ей белозубой улыбкой. Катя окончательно смутилась.

– Что лучше? – переспросила она и, убрав его пальцы со своего подбородка, опустила глаза.

– Без бороды? Как вы считаете, Екатерина Васильевна?

– Мне все равно, – промямлила девушка и отвернулась.

Не отрываясь, он смотрел на нее и хитро шурился. Он прекрасно видел минуту назад ее заинтересованный взгляд. А теперь Катюша пыталась убедить его, что он ей безразличен. Вспомнив, что не снял с плеч тяжелую суму, которая оттягивала его спину, он резко стянул с себя мешок и бросил его на пол. Расстегнув пуговицы на тулупе, он стянул его и небрежно бросил на кровать. Присев на корточки над своей поклажей, он быстро извлек верхние вещи и положил осторожно их на кровать рядом с девушкой.

– Посмотрите, Катюша, это вам, – произнес он грудным голосом и замер над ней.

Катя быстро взглянула на него, а затем перевела такой же быстрый взгляд на его дары, лежащие сбоку от ее бедра. Мягкая расческа, флакончик духов, белая пуховая шаль и еще

одна небольшая белоснежная, обтянутая тканью коробочка вызвали у девушки интерес. Она подняла на него взор и тихо сказала:

– Спасибо.

Катя невольно опустила ладонь на коробочку с духами и, открыв ее, понюхала. Вкусный приятный запах сирени наполнил ее ноздри, и она медленно улыбнулась. Щетка для волос привлекла ее внимание. И Катя, умело взяв ее, осторожно провела по своим густым волосам. Прядь вмиг заблестела, и Иван, который следил за всеми действиями девушки, не сдержавшись, осторожно прикоснулся ладонью к ее волосам.

– Они такие мягкие, – проворковал он. – Словно шерстка у котенка...

Катя замерла с расческой в руке и занервничала. Его намерения приласкать ее не прерывались даже на некоторое время. И вновь Катя подумала, как было бы хорошо оказаться подальше от этого глухого места, которое стало для нее как ловушка. Рука молодого человека прошла вниз по ее волосам, и он присел рядом с ней на кровать. Его рука продолжила перебирать ее волосы, и Катюша, напряженно взглянув прямо ему в лицо, очень осторожно попросила:

– Иван Алексеевич, я вновь прошу вас. Отвезите меня в Петербург, – голос ее сорвался, но она, судорожно сглотнув, продолжала: – Отчего вы не можете понять, что я не могу находиться здесь вместе с вами. Это неправильно и...

Она не успела договорить, ибо Иван стремительно и жадно схватил ее в объятия и, повалив на кровать, начал неистово целовать ее губы. Катя едва не задохнулась от его натиска и попыталась вырваться. Его горячий неистовый рот все сильнее распялся и почти кусал ее губы. Катя застонала под ним и начала неистово отталкивать его, но у нее ничего не получилось. Спустя минуту молодой человек отстранился от нее, чуть приподнявшись на руках. Разъяренно вперив в испуганные глаза девушки свой темный угрожающий взор, он произнес хриплым голосом:

– Если я еще раз услышу от вас о том, что вы хотите уехать, вы будете подвергнуты еще большему наказанию, чем это...

Глава IX. Прозрение

В последующие дни Катя в полной мере ощутила, что значит недовольство Ивана. С ней он вообще перестал разговаривать и даже не смотрел в ее сторону. Целыми днями он пропадал на охоте, возвращаясь лишь поздно вечером. Часто он приходил в синяках и царапинах, оставленных дикими обитателями леса на его теле. И Катюша, видя, как он обрабатывает небольшие раны и порезы, хотела помочь, но не решалась предложить свои услуги, ибо его взгляд выражал такую неприязнь, что девушка невольно сжималась от неприятного озноба. Она была немного ошарашена его изменившимся поведением. Каждый вечер, уже приготовив ужин, она взволнованно ждала его прихода, в душе опасаясь, что Иван не вернется. Едва он входил в избушку, тревога вмиг оставляла сердце девушки. Она приветливо улыбалась мрачному охотнику и пыталась наладить с ним разговор. Но Иван не отвечал ей и лишь холодно сверкал на нее своими темно-зелеными глазами. Затем молча съедал приготовленный ею ужин и отправлялся заниматься домашними делами. Колол дрова, разделывал туши пойманных животных или чинил избушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.